

КАМИЛЛА ЛЭКБЕРГ

СЕРЕБРЯНЫЕ КРЫЛЬЯ

18+

ПРОДОЛЖЕНИЕ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЦИКЛА
КАМИЛЛЫ ЛЭКБЕРГ

28 миллионов экземпляров книг
в 60 странах на 30 языках

Камилла Лэкберг
Серебряные крылья
Серия «Крафтовый детектив из
Скандинавии. Только звезды»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63816282

Серебряные крылья: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-117602-0

Аннотация

Фэй Адельхейм добилаь всего, чего хотела. Созданная ею косметическая империя «Ревендж» процветает, ее близкие в безопасности, бывший муж отбывает срок в тюрьме. Она богата, успешна и наслаждается новой жизнью. Но идиллия рушится в один миг: неизвестное лицо начинает кампанию по захвату «Ревендж», Як сбегает из тюрьмы и жаждет возмездия за разрушенную репутацию. Однако Фэй умеет противостоять мужской жестокости и насилию. А ради защиты близких она готова пойти на самые крайние меры...

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Камилла Лэкберг

Серебряные крылья

Посвящается Карин

Camilla Läckberg

VINGAR AV SILVER

Copyright © 2020 Camilla Läckberg

First published by Bokförlaget Forum, Sweden

Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden.

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть I

Сегодня рано утром во время перевозки совершили побег двое заключенных, отбывающих срок за убийство. Когда конвой сделал вынужденную остановку на трассе Е4 на широте Гренны, они воспользовались случаем и убежали в лес.

На место было вызвано несколько полицейских патрулей, однако поиски беглецов пока не принесли результатов.

По словам начальника пресс-службы пенитенциарного ведомства Карин Мальм, эти двое мужчин не представляют угрозу для общественности.

(Из газеты «Афтонбладет» от 5 июня)

Фэй запустила кофе-машину. Пока готовился ее эспрессо, она подошла к высоким кухонным окнам и посмотрела наружу. Как всегда, вид очаровал ее.

Дом в Рави стал для нее раем на земле. Деревушка невелика, всего две сотни постоянных жителей. Всю Рави можно обойти минут за пять, если идти очень медленно. Но посреди маленькой площади находился ресторанчик – такой вкусной пиццы и пасты, как там, Фэй нигде не доводилось пробовать. Каждый вечер в ресторанчике яблоку негде было упасть. Иногда появлялись туристы – особенно сейчас,

ближе к концу мая. Сюда заглядывали восторженные французские велосипедисты или американские пенсионеры, взявшие напрокат трейлер и теперь осуществлявшие свою мечту увидеть Италию, покуда взрослые дети недоумевали, с какой стати родители упорно желают жить собственной жизнью, вместо того чтобы сидеть в няньках со своими внуками.

Но никаких шведов.

С тех пор, как Фэй купила здесь дом, она в глаза не видела ни одного соотечественника, что само по себе стало решающим фактором при выборе этого места. В Швеции ее узнавали на улицах. В Италии Фэй предпочитала оставаться инкогнито.

Купленный ею красивый старый дом располагался не в самой деревушке, а в двадцати минутах ходьбы от нее. Он стоял высоко на холме, оплетенном виноградниками, тянущимися к самому дому. Фэй обожала спускаться и подниматься по склону, чтобы сходить в лавочку за хлебом, сыром и вяленым прошутто. Банальнейший стереотип жизни в итальянской глубинке – и она наслаждалась им на все сто. И не только она, но и ее мать Ингрид, а также Керстин и Жюльенна. Прошло два года с тех пор, как Як, бывший муж Фэй, был приговорен к тюремному заключению – за это время четыре женщины стали маленьким сыгранным квартетом¹.

Ингрид и Керстин наперебой баловали Жюльенну, и те-

¹ Здесь и далее: предыдущие события жизни Фэй описаны в романе К. Лэкберг «Золотая клетка».

перь, когда Керстин проводила все больше времени вдали от них, Ингрид взяла на себя обязанность каждый день посылать ей новые фотографии Жюльенны.

Когда эспрессо сварился, Фэй взяла чашку и вышла через гостиную на задний двор дома, где плеск и радостные детские крики говорили о наличии бассейна еще до того, как тот открывался взору. Гостиную Фэй любила. Потребовалось немало времени, чтобы обставить дом, но благодаря собственному терпению и усилиям одного из самых талантливых дизайнеров Италии ей в конце концов удалось добиться того, чего она хотела. Толстые каменные стены дома предохраняли от зноя и давали прохладу даже в самые жаркие летние месяцы, но из-за этого внутренние помещения казались довольно темными. С этим удалось справиться за счет светлой мебели и многочисленных, хотя и ненавязчивых ламп. Большие окна на задний двор также пропускали свет. Фэй очень нравилось, как гостиная почти незаметно переходит в террасу.

Белая портьера мягко коснулась ее тела, когда она шагнула наружу. Сделав глоточек эспрессо, Фэй стала наблюдать за дочерью и матерью, которые ее пока не заметили. Жюльенна так выросла... Волосы у нее выгорели на солнце почти до белизны. Каждый день появляются новые веснушки, она красивая, здоровая и счастливая. Все то, чего только могла бы пожелать ей Фэй. Все то, что сделалось возможным благодаря жизни без Яка.

– Мама, смотри, я могу плавать без нарукавников!

Фэй улыбнулась и сделала удивленное лицо, чтобы показать дочери свое восхищение ее достижениями. Жюльенна плавала в глубокой части бассейна по-собачьи, тяжело дыша, но прекрасно обходилась без нарукавников с медвежонком Бамсе, которые остались лежать на бортике. Ингрид, встав, напряженно следила за внучкой, готовая в любую секунду кинуться на выручку.

– Не волнуйся, мама, она справится.

Фэй отхлебнула еще эспрессо – тот стремительно заканчивался – и сделала несколько шагов по террасе. Теперь она пожалела, что не сварила себе капучино.

– Жюльенна упорно заплывает на глубину, – сказала мать Фэй с выражением легкого отчаяния на лице.

– Это у нее от матери.

– Да уж, я в курсе!

Ингрид рассмеялась, и Фэй в очередной раз за эти два года поразились, какая красивая у нее мама. Несмотря на все, что ей выпало пережить.

Только Фэй и Керстин знали о том, что Ингрид и Жюльенна живы. Для мира они умерли. Жюльенна якобы убита своим отцом, теперь отбывавшим в Швеции пожизненное заключение за убийство. Он чуть было совсем не сломил Фэй. Любовь к нему превратила ее в жертву. Но в конце концов его козыри оказались биты.

Фэй подошла к матери и уселась рядом с ней в плете-

ное кресло. Ингрид, по-прежнему в напряжении, продолжала следить за Жюльенной.

– Тебе обязательно снова уезжать? – спросила она дочь, не сводя глаз с девочки.

– День нашего выхода на американский рынок приближается большими шагами, к тому же много дел перед новой эмиссией. Если мне удастся повернуть сделку в Риме, та компания станет важным дополнением к «Ревендж». Владелец Джованни хочет ее продать; осталось только убедить его, что моя цена – лучшее предложение, которое он может получить. Но как и все мужчины, он сильно переоценивает самого себя.

Ингрид перевела встревоженный взгляд с Жюльенны на Фэй.

– Не понимаю, почему тебе по-прежнему приходится так много работать. В «Ревендж» у тебя осталось всего десять процентов, и теперь ты можешь до конца жизни и пальцем не пошевелить, после того что ты выручила за свои акции.

Фэй пожалала плечами, допила эспрессо и поставила чашку на плетеный ротанговый столик.

– Видишь ли, иногда мне кажется, что я с удовольствием осталась бы здесь, с вами. Но ты меня знаешь – через неделю я засохну от скуки. Да и сколько бы акций у меня ни было, «Ревендж» – мое дитя. И я пока остаюсь председателем правления. Кроме того, я чувствую огромную ответственность перед всеми женщинами, которые вложились в

«Ревендж» и теперь владеют акциями. Они дали шанс мне, предприятию – и я хочу показать, что они не ошиблись. Но в последнее время подумываю о том, чтобы снова выкупить большую долю, если кто-то захочет мне ее продать. Они в любом случае уйдут с доходом.

Ингрид чуть заметно приподнялась, когда Жюльенна повернула у дальней стенки бассейна.

– Да-да, женская солидарность и все такое, – проговорила она. – Возможно, я смотрю на все это немного иначе, чем ты...

– Сейчас другие времена, мама. Женщины объединились и поддерживают друг друга. Как бы то ни было, Жюльенна не возражает против того, что я ненадолго съезжу в Рим, – мы с ней вчера об этом говорили.

– Ты знаешь, что я горжусь тобой? Ты такая молодец...

Фэй взяла Ингрид за руку.

– Да, знаю, мама. Последи за нашей попрыгуньей, чтобы не утонула, а я скоро вернусь домой.

Фэй подошла к краю бассейна, где Жюльенна, фыркая, пыталась держаться на плаву.

– Пока, моя дорогая, я уезжаю!

– Пок...

Конец слова утонул в воде, когда Жюльенна попыталась помахать, не переставая плыть. Краем глаза Фэй отметила, как Ингрид поспешила к бассейну.

В гостиной она взяла уже сложенный чемодан на колеси-

ках. Лимузин, который отвезет ее в Рим, наверняка уже прибыл. Подняв красивый чемодан от «Луи Виттон», чтобы не поцарапал начищенный деревянный пол, Фэй направилась к двери. Проходя мимо кабинета Керстин, она увидела, как та сидит, уткнувшись во что-то на мониторе компьютера, сдвинув очки на самый кончик носа.

– Тук-тук, я поехала...

Керстин даже не подняла глаз; меж ее бровей пролегла глубокая озабоченная морщинка.

– Всё в порядке? – Фэй, шагнув в комнату, поставила чемодан.

– Даже не знаю... – медленно проговорила Керстин, не глядя на нее.

– Ты меня тревожишь. Что-то с новой эмиссией? Или с выходом на американский рынок?

Та покачала головой:

– Пока не знаю.

– Мне уже надо начинать волноваться?

Керстин ответила не сразу.

– Нет... Пока нет.

Снаружи просигналила машина, и Керстин кивнула в сторону входной двери:

– Поезжай. Закончи дела в Риме. Поговорим после.

– Но...

– Наверняка ничего серьезного.

Керстин улыбнулась, желая ее успокоить, но когда Фэй

двинулась к тяжелой деревянной входной двери, ее не покидало ощущение, что подступает нечто плохое, какая-то скрытая угроза. Однако она со всем справится. Ничего другого ей не остается. Такова уж она.

Усевшись на заднее сиденье, Фэй махнула рукой шоферу, чтобы трогал с места, и откупорила маленькую бутылочку, поджидавшую ее. И пока машина неслась в сторону Рима, задумчиво потягивала шампанское.

Фэй разглядывала свое лицо в зеркале лифта. Трое мужчин в костюмах с интересом смотрели на нее. Она открыла сумочку от «Шанель», выпятила губы и не спеша нанесла на них помаду «Ревендж». Потом заложила за ухо светлую прядь волос, накрутила обратно крышечку с выгравированной буквой «R» – и тут лифт остановился, достигнув холла. Мужчины подвинулись в сторону, давая Фэй выйти первой. Шаги по белому мраморному полу отдавались эхом, красное платье затрепетало от ночного ветерка, когда портье придержал ей стеклянную дверь.

– Такси, синьора? – спросил он.

Не сбавляя шага, Фэй с улыбкой покачала головой. Выйдя на тротуар, свернула вправо. Машины на улице стояли неподвижно. Гудели гудки; водители ругались, опустив боковые стекла.

Фэй наслаждалась свободой, возможностью побыть в одиночестве в городе, где у нее мало знакомых и никто ничего не может от нее потребовать. Побыть свободной от ответственности, от вины. Встреча с Джованни, владельцем маленького семейного предприятия по производству косметики, которое могло бы удачно дополнить уже существующую линейку продукции «Ревендж», прошла великолепно. Как только Джованни понял, что не сможет использовать против Фэй техники доминирования и манипуляции, чтобы заставить ее согласиться на его условия, все повернулось в ее пользу.

Фэй любила азарт игры. Очень часто по другую сторону стола переговоров оказывались мужчины, и все они совершали одну и ту же ошибку: недооценивали ее компетентность только на том основании, что она женщина. Когда позднее им приходилось признать себя проигравшими, следовала реакция двух типов: одни уходили с деловой встречи, кипя от ярости, проникнувшись еще большей ненавистью к женщинам, а других ее знания и уверенность в себе возбуждали – они выходили из-за стола переговоров с твердым комком в штанах и пытались пригласить ее на ужин.

Вечер стоял теплый; Фэй чувствовала, как город буквально вибрирует вокруг, обнимая ее, даря все, без чего она соскучилась. Ее прогулка не имела конкретной цели. Шанс выпадет сам собой, если только отдаться биению пульса города.

Скоро ей снова придется надеть на себя маску, мастерски играя свою роль на родине. Но сегодня вечером она может

быть какой угодно – какой ей захочется. Фэй пошла дальше. Добралась до красивой, выложенной каменными плитами площади. Заплутала в лабиринте маленьких улочек.

«Нужно потерять себя, чтобы возродиться», – подумала она.

От тени дома отделился мужчина и хриплым шепотом предложил ей свой товар. Фэй лишь покачала головой. Мягко открылась большая дверь, окруженная желтым светом уличных фонарей, и два человека, мужчина и женщина, ждавшие снаружи, вошли внутрь.

Остановившись на мгновение, Фэй огляделась, а потом решительно направилась к двери, которая вновь закрылась за вошедшими. Миниатюрный звонок. Над ее головой – видеокамера. Фэй нажала на кнопку звонка; прислушалась, надеясь различить, как тот звучит внутри, но ничего не услышала. Наконец замок щелкнул и дверь открылась. Ее глазам открылось огромное помещение, заполненное красивыми людьми и звяканьем бокалов. Прямо перед ней находилась стеклянная стена, за которой начиналась величественная терраса. Вдали, словно потерпевший крушение космический корабль, возвышался освещенный остов Колизея.

В большом зеркале с золоченой рамой Фэй могла наблюдать, как прекрасно одетые люди о чем-то беседовали группами у нее за спиной. Женщины были молоды, красивы, со вкусом накрашены, одеты в элегантные короткие платья. Мужчины в целом несколько старше, но тоже прекрасно вы-

глядящие, излучавшие спокойствие и уверенность в себе – те качества, которые часто придает человеку богатство. Делавшие до нее обрывки разговоров свидетельствовали о том, что здесь говорят по-итальянски. В бокалы подливалось вино, они опустошались и снова заполнялись вином.

Чуть в стороне стояли и целовались юноша и девушка. Фэй смотрела на них как зачарованная, не в силах отвести глаз. Совсем молодая пара, не старше двадцати пяти. Парень высокий, красивый на итальянский манер, с изящной бородкой, большим носом и темными волосами, расчесанными на прямой пробор. На девушке дорогое платье цвета слоновой кости, облегающее бедра и подчеркивающее узкую талию. Темные волосы просто схвачены в хвостик на макушке.

Кажется, они настолько влюблены, что ни на минуту не могут оторваться друг от друга. Длинные пальцы парня раз за разом скользили по загорелым бедрам девушки с внутренней стороны. Фэй улыбнулась. Когда ее взгляд встретился со взглядом девушки, она не отвела глаза, а продолжала спокойно рассматривать пару. Поднесла к губам напиток – коктейль «Виски сауэр». Когда-то и она была так же по уши влюблена. Однако любовь задушила ее, превратила в безвольную массу в золотой клетке...

Внезапно девушка подошла к Фэй, прервав ход ее мыслей.

– Я и мой жених хотели спросить, не хочешь ли ты с нами выпить, – проговорила она по-английски.

– Мне показалось, что вам не нужна компания, – с улыб-

кой ответила Фэй.

– Твоя нужна. Ты такая красивая...

Девушку звали Франческа; она родилась в Порту-Алегри на атлантическом побережье Бразилии, работала фотомоделлю и рисовала картины. Юношу звали Маттео. Его семья владела империей отелей и ресторанов; он тоже рисовал, хотя и не так хорошо, как Франческа, со смущенной улыбкой объяснил Маттео. Они оказались любезные, воспитанные, легко могли ее развеселить. Их жажда жизни и беззаботность заражали. Увлечшись, Фэй выпила еще два напитка. Без тени зависти она восхищалась их любовью, молодостью и красотой. Нельзя сказать, чтобы ей не хватало мужчины – Фэй хотелось самой управлять своей жизнью, не согласовывая ничего с другими. Но смотреть на эту молодую пару ей очень нравилось.

Через час Маттео извинился и удалился в сторону туалета.

– Мы скоро пойдем, – сказала Франческа.

– Я тоже. Завтра мне ехать домой.

– Может быть, ты хочешь поехать с нами и продолжить вечер у нас дома?

Фэй взвесила предложение, не отводя глаз. Упущенный сон она сможет возместить по дороге домой. Пока же ей не хотелось, чтобы вечер заканчивался. Она желала еще пообщаться с этой прекрасной парой.

Такси затормозило перед высоким роскошным домом, Маттео расплатился, они вышли из машины, и охранник в форме распахнул перед ними дверь. Квартира с огромными панорамными окнами располагалась на самом верхнем этаже. С балкона открывался вид на красивейший парк. По стенам висели черно-белые фотографии – изучив их поближе, Фэй обнаружила, что на многих из них изображена Франческа. Из усилителей полилась какая-то итальянская музыка. За ее спиной Маттео смешивал напитки, стоя у барной тележки, а Франческа рассказывала забавную историю, от которой Фэй смеялась так громко, как давно не смеялась.

Фэй уселась рядом с Франческой на гигантский кремовый диван. Маттео протянул им напитки, а потом уселся с другой стороны от Фэй. От опьянения приятно кружилась голова, уличный шум успокаивал, но все тело наполнялось напряженным ожиданием и возбуждением.

Франческа отставила свой бокал на журнальный столик, медленно подалась вперед, провела мягкими пальцами по бретельке красного платья и поцеловала Фэй в ключицу. Горячие волны разлились по всему телу. Маттео повернул к себе ее голову, его губы приблизились, но в последний момент он ускользнул, коснулся губами ее шеи, пощекотал затылок, прежде чем поцеловать ее. Рука Франчески мягко гладила ее

бедра, поднимаясь все выше, но в последний момент улетела и тут же, словно дразнясь, возникла на пояснице.

Сначала они раздели ее, потом друг друга.

– Я хочу видеть вас, – прошептала Фэй. – Вместе.

В ее сознании возникло лицо Яка – вспомнились все те случаи, когда он предлагал пригласить к ним в постель еще одну женщину. Фэй отказывалась. Не потому, что эта мысль не привлекала ее, – просто было очевидно, что это нужно только ради него. С Франческой и Маттео все было по-другому. Фэй пришла к ним ради них обоих. Не потому, что они надоели друг другу, – их любовь и притяжение были так сильны, что перехлестывали через край, их хватало еще на одного человека. Вся ситуация доставляла Фэй наслаждение.

Она застонала, когда Маттео наклонил ее вперед, над Франческой, и вошел в нее сзади. Заглянула в широко открытые глаза бразилианки, пока ее жених совершал в ней толчки. Франческа смотрела на нее пристально и томно, полуоткрыв рот.

– Мне нравится смотреть, как ты берешь ее, дорогой, – шепнула она Маттео.

Для них Фэй оставалась лишь инструментом для усиления собственного наслаждения, но все же она чувствовала себя сопричастной.

Когда Фэй почувствовала, что вот-вот кончит, Маттео вытащил свой член. На диване образовалась куча из их обнаженных, потных тел. Фэй никогда не доводилось испытать

ничего более прекрасного, чем участвовать в наслаждении этих двух красивых влюбленных людей. Она вся дрожала, когда Франческа придвинулась ближе к ней. Не сводя друг с друга глаз, они встали на четвереньки у края дивана и выгнули спины. Стоя позади них, Маттео вставлял свой член то во Франческу, то в Фэй. Наконец Фэй кончила. Закричала в голос. Маттео не смог больше сдерживаться, его дыхание стало тяжелым.

– В нее, – шепнула Франческа.

Фэй почувствовала, как он стал еще больше, а потом взорвался.

Потом они пошли, обнявшись, и легли втроем на большую кровать в спальне. Лежали и курили, передавая по кругу сигарету. Фэй выставила будильник в мобильном телефоне, чтобы не проспать, и попыталась заснуть. Через полчаса она оставила все попытки. Осторожно высвободилась и встала с постели, не разбудив юную пару. Они зашевелились во сне, обнялись и подползли ближе друг к другу, слившись воедино на том теплом месте в кровати, где только что лежала Фэй.

Совершенно голая, она налила себе шампанского из открытой бутылки и вышла на балкон, прихватив бокал и бутылку с собой. Город переполняли свет и звуки, Фэй опустилась в шезлонг и забросила ноги на перила балкона. Теплый летний вечер ласкал ее обнаженное тело, щекотал и возбуждал. Однако этот незабываемый миг отравили мысли о вы-

ражении лица Керстин, когда та смотрела на экран в кабинете перед вчерашним отъездом Фэй из дома. Чтобы вывести из равновесия Керстин, требуется нечто экстраординарное. Она – скала, о которую расшибаются другие скалы, рассыпаясь в песок. Тут что-то не так...

Фэй в задумчивости попивала шампанское, мысли ее неслись вскачь. В такой большой компании, как «Ревендж», многое могло пойти наперекосяк, ведь игра шла по-крупному. Большие деньги, большие инвестиции, большие прибыли – но и большие риски. Ничто не вечно. Ничто не бывает неколебимым. Фэй это знала как никто.

Обернувшись, она еще раз посмотрела на красивую пару, спавшую в постели. Улыбнулась им. Ей так не хотелось думать об озабоченном лице Керстин, не хотелось думать о предстоящем дне... Сейчас ей нужно другое.

– Мама!

Жюльенна выбежала навстречу Фэй и обняла ее, прижавшись к ней всем своим мокрым тельцем.

– Не бегай по каменным плитам! – крикнула Ингрид с дивана из ротанга.

– Ой, мамочка, ты стала совсем мокрая! – озабоченно проговорила Жюльенна, высвободившись из маминых объятий и заметив, что на блузке Фэй образовалось мокрое пятно.

но.

– Ничего страшного, моя дорогая. Высохнет. А ты что – так и не вылезала из бассейна с тех пор, как я уехала?

– Не-а, – захихикала Жюльенна. – Я спала в бассейне и обедала в бассейне.

– Подумать только! Я считала, что у меня маленькая доченька, а она, оказывается, русалка...

– Да! Как Ариэль!

– Точно, как Ариэль.

Фэй провела рукой по мокрым волосам дочери, которые уже приобрели зеленоватый оттенок.

– Пойду разберу чемодан, скоро спущусь! – крикнула она Ингрид, которая, кивнув, вернулась к своей книге. Судя по всему, ее мать стала больше полагаться на умение Жюльенны плавать.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Фэй закинула чемодан в спальню. Быстро сняла с себя мокрую блузку и другие вещи, в которых приехала, и надела мягкий домашний костюм из хлопка. Чемодан на колесиках она поставила в гардеробную. Ее помощница по дому Паола потом все распакует.

Постель казалась такой притягательной, что Фэй прилегла на покрывало, скрестив руки за головой, и позволила себе расслабиться. Воспоминания о том, что произошло в постели в Риме, заставили ее невольно улыбнуться. Зевнув, Фэй почувствовала, насколько устала – прошедшей ночью она в

буквальном смысле слова ни на минуту не сомкнула глаз. Зато проспала всю дорогу до дома. Сейчас ей не хотелось случайно заснуть, однако за все эти годы Фэй научилась глубоко расслабляться на несколько минут, чтобы потом вставать с удвоенной энергией. Хитрость заключалась в том, чтобы не закрывать глаза, так что она огляделась, отмечая отдельные детали и целостную картину.

Спальню Фэй считала своим оазисом. Здесь тоже царили светлые тона – свежий белый в сочетании с мягким голубым. Легкая элегантная мебель, ничего тяжелого и массивного. Ничего похожего на тот огромный письменный стол, который она купила в подарок Яку лишь потому, что когда-то он принадлежал Ингмару Бергману. Як обожал такое. Красивые жесты. Постоянную похвальбу. Отправиться с гостями на экскурсию по квартире и как бы невзначай упомянуть, что стол, мимо которого они только что прошли, принадлежал великому режиссеру.

Фэй оглядела свой изящный белый письменный стол. Он никогда не принадлежал какому-то самодовольному властному старикану, который всю свою жизнь обманывал и использовал женщин. Этот стол принадлежал только ей. Он не прогибался под грузом прошлого. Как и сама Фэй. Она освободилась от своей истории. Создала себя заново.

Фэй села, спустив ноги с края кровати. Тревога, вызванная словами Керстин, снова ворвалась в ее сознание. Дальше этот вопрос откладывать невозможно.

Кабинет Керстин пустовал, так что Фэй предположила, что его хозяйка в своей комнате. После обеда та любила прилечь отдохнуть, но Фэй старалась не думать о том, что ее верная спутница уже немолода, что ей перевалило за семьдесят. От одной мысли, что Керстин не всегда будет рядом с ней, у Фэй сжимало грудь и становилось тяжело дышать. С тех пор как она потеряла Крис, ей стало слишком ясно, что ничто не вечно и никто не вечен. Хотя смерть и до того была в ее жизни частым гостем...

Она постучала в дверь комнаты Керстин.

– Ты проснулась?

– Я не сплю.

Когда Фэй вошла в комнату, Керстин села на постели и потянулась за очками, лежавшими на ночном столике. Взгляд ее был затуманен сном.

– Ты крепко спала?

– Я не спала, – повторила Керстин и поднялась, разгладив брюки. – Просто дала отдых глазам.

Фэй немного поморщилась от сильных запахов, царивших в большой спальне Керстин. Познакомившись однажды в самолете с Бенгтом, работавшим в шведском посольстве в Мумбаи, Керстин начала проводить все больше времени в Индии. Взяла шефство над детским домом и часто уезжала туда с огромным количеством полезных вещей для детей. Беда лишь в том, что на обратном пути она прихватывала с собой массу всяких индийских штучек для дома. Вре-

менами пыталась потихоньку протащить на диван в гостиной какую-нибудь подушечку с золотой бахромой или яркий плед, однако Паоле дано было строгое указание, что все подобные предметы следует немедленно отправлять в комнату «мисс Карин». Довольно вскоре они отказались от попыток научить пылкую итальянку произносить имя Керстин, поэтому нашли компромисс в виде более простого «Карин».

– Соскучилась по Бенгту?

Керстин фыркнула и надела тапочки, аккуратно стоявшие рядом с кроватью.

– В моем возрасте уже не скучаешь друг по другу. Это как бы... совсем другое, когда становишься старше.

– Да ладно, не рассказывай, – улыбнулась Фэй. – Паола доложила мне, что «*Ms Karin has much nicer underwear now*»².

– Ну Фэй!..

Керстин покраснела до самой шеи, и Фэй не смогла удержаться – подошла и обняла ее.

– Керстин, я так рада за тебя... Но надеюсь, что он не заберет тебя к себе насовсем – ты нужна нам здесь.

– Не волнуйся. Обычно я устаю от него.

Керстин улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными.

– Пойдем в кабинет. Я должна тебе кое-что показать.

Они молча двинулись вниз по лестнице. С каждым шагом сердце Фэй падало все ниже. Что-то не так. Случилось нечто серьезное.

² Мисс Карин теперь носит куда более красивое нижнее белье (англ.).

Керстин уселась за письменный стол и запустила компьютер. Фэй села на один из двух чиппендейловских кресел³, стоящих у стола. Хотя в кабинете Керстин действовал запрет на сари, Фэй оборудовала его с мыслью о своей компаньонке. Помимо недавно возникшей страсти ко всему индийскому у Керстин была в жизни одна большая любовь: Уинстон Черчилль. Поэтому Фэй придала ее кабинету классический английский стиль с легким налетом современности. А изюминкой стало огромное фото Уинстона Черчилля в раме, красовавшееся на стене напротив письменного стола.

Керстин повернула монитор к Фэй, которая подалась вперед, пытаясь разобраться в цифрах, мелькающих на экране. Сама она прекрасно разбиралась в нумерологии делового мира, но Керстин оказалась уникальным профессионалом. Уинстон строго смотрел на них, но Фэй избегала поднимать глаза на фотографию. В данный момент ей менее всего нужен осуждающий мужской взгляд.

– Я веду реестр акций «Ревендж», поскольку ты плотно занята американским рынком и новой эмиссией. До того как ты уехала в Рим, были проданы два пакета акций. А теперь ушли еще три.

– Покупатель тот же?

Керстин покачала головой:

– Нет. Однако меня не покидает мысль, что покупки все

³ Стиль мебели, названный в честь английского краснодеревщика XVII в. Т. Чиппендейла; отличается особой изысканностью форм.

же синхронизированы.

– Думаешь, кто-то пытается захватить «Ревендж»?

– Возможно, – проговорила Керстин, взглянув на нее поверх очков. – Боюсь, именно с этим мы сейчас и столкнулись.

Фэй откинулась в кресле. Тело напряглось, по венам разлился адреналин. Усилием воли она взяла себя в руки, хотя мысли ее неслись вскачь. Рано строить предположения. Сейчас нужны только факты.

– Кто продает?

– Я подготовила для тебя список.

Керстин протянула Фэй листок. Она хорошо ее знала. Принципиальную коммерческую информацию Фэй всегда хотела видеть в распечатке, не только на экране. Срубленный лес придется потом как-то компенсировать.

– Не понимаю... почему они продают?

– Сейчас у нас нет времени на сантименты. В первую очередь мы должны оценить ситуацию. Ты пока разберешься во всем, а я буду ковырять дальше. Потом можем беситься. Но не сейчас. Тратить на это энергию мы не можем себе позволить.

Фэй медленно кивнула. Она понимала, что Керстин права. Однако сложно было сдержаться и не начать строить догадки, кто из тех женщин, кому она так доверяла, решил продать свою часть. У нее за спиной...

– Я хочу, чтобы мы рассмотрели всё по порядку. Каждую позицию, – сказала она.

Керстин кивнула в ответ.

– Давай начнем.

Фэй посмотрела на нее, а потом перевела взгляд на лист бумаги. Что-то тревожно перевернулось в животе. Такого она не предусмотрела. И это волновало ее более всего остального.

В доме царила тишина. Все спали. Кроме Фэй. Она сидела со списком в руках, раз за разом просматривая его и пытаясь собраться с мыслями.

Цифры плясали у нее перед глазами. Ее охватили усталость и уныние. Этого чувства Фэй давно не испытывала – с тех пор, как рассталась с Яком, и ей все это жутко не нравилось. Подкрадывались запретные мысли. А что, если уже поздно? Вдруг «Ревендж» уже нельзя спасти? Вдруг она настолько расслабилась за эти два года, что враг сумел подкрасться незаметно? Этого она себе никогда не простит. Слабость Фэй оставила позади. Сбросила Яку. И теперь он носит ее на теле как неудобную тюремную одежду.

Фэй отложила список. Мысль о предательстве отзывалась болью. Имена женщин, продавших свои акции, были ей хорошо знакомы. Перед глазами вставали их лица – лица женщин, которым она в свое время представила идею «Ревендж». Женщин, которых она убедила, которые решили по-

верить в «Ревендж», положиться на нее. Почему никто ничего ей не сказал? Неужели разговоры о солидарности и поддержке ничего не значили? Ни для кого, кроме самой Фэй?

Она протерла глаза, слипавшиеся от усталости, и ругнулась, когда в глаза ей попали крошки сохшейся туши. За моргав, поспешила в ванную, чтобы смыть макияж. Так или иначе, сейчас она слишком устала, чтобы еще что-то делать. Сказывались приключения вчерашней ночи, и Фэй понимала, что, не выспавшись хорошенько, она никому не принесет пользы – ни себе, ни предприятию.

Уже откинув одеяло, чтобы лечь на крахмальные простыни из египетского хлопка, Фэй замерла. Посмотрев в сторону двери, ощутила тоску во всем теле. Встала и тихонько вышла в холл. Дверь в комнату Жюльенны стояла приоткрытой – дочь отказывалась спать с закрытой дверью. Осторожно открыв дверь, Фэй проскользнула внутрь. Маленький ночник в форме кролика освещал комнату мягким светом – достаточным, чтобы разогнать привидения. Дочь спала на боку, спиной к Фэй. Длинные светлые волосы разметались по подушке. Фэй тихонько забралась в постель Жюльенны, убрала с подушки ее волосы и улеглась рядом. Дочь всхлипнула во сне и чуть пошевелилась, но не проснулась – даже когда Фэй обняла ее одной рукой, миллиметр за миллиметром подбираясь поближе к Жюльенне, уткнувшись носом ей в затылок, пахнувший лавандой и хлоркой.

Она закрыла глаза. Почувствовала, как напряжение отпу-

стило, накатил сон. Лежа так, обнимая свою дочь, почувствовала, что сделает все, чтобы спасти «Ревендж». Не ради себя. Ради Жюльенны.

Фьельбака, давным-давно

Хотя мне было всего двенадцать, меня не покидало ощущение, что я знаю о жизни всё. Во Фьельбаке она казалась такой предсказуемой... Те же перепады между десятью месяцами полной тишины и двумя месяцами летнего хаоса. Все знали всех. Летом приезжали одни и те же туристы, год за годом. Дома тоже все оставалось по-старому. Мы словно бежали в беличьем колесе – на одном месте, ни малейших шансов сдвинуться вперед. Ничего так и не менялось.

Поэтому, когда мы сели за ужин, я поняла, что это будет именно такой вечер. Еще только придя домой из школы, почувствовала, что от папы пахнет алкоголем.

Наш дом я и любила, и ненавидела. Здесь выросла моя мама. Он перешел к ней по наследству от бабушки и дедушки, и все, что мне в нем нравилось, было связано с ней. Она сделала все, что могла, сделав домик уютным и милым – придал ему все те черты, что ассоциировались со счастливой жизнью. Старая древесина, оставшаяся со времен бабушки и дедушки. Белые льняные шторы, которые мама сшила собственными руками, – она прекрасно шила. Вышивка в рамке, полученная бабушкой от прабабушки в качестве свадебного

подарка. Винтовая лестница с перилами из толстого каната, по ступенькам которой ступали представители нескольких поколений. Маленькие комнатки и белые окна с разделенными на мелкие квадратики рамами. Все это я очень любила.

Ненавидела я все, что напоминало о папе. Зарубки от ножа на кухонной столешнице. Отметки на деревянной двери в гостиной, оставшиеся от того, как папа не раз пинал дверь ногой в приступках пьяной ярости. Слегка изогнутый карниз, с которого он однажды пытался стащить занавеску, чтобы намотать маме на голову, – пока Себастиан не собрался с духом и не оттащил его от мамы.

Камин в гостиной я любила. Но портреты на каминной полке казались жестокой насмешкой. Семейные фотографии, которые мама поставила туда, – мечты о жизни, которой не существовало. Снимки, на которых улыбаются она с папой, я и мой старший брат Себастиан. Мне хотелось пошвырять их на пол, однако я не хотела огорчать маму. Один раз она поставила туда же портрет своего брата. Но когда папа увидел фото дяди Эгиля, то пришел в бешенство. Пока мама лежала в больнице, он позаботился о том, чтобы фотография исчезла.

У меня заболел живот. Я ждала, что сейчас последует неминуемый взрыв. Как всегда.

Часы, прошедшие с того момента, как я пришла из школы, папа провел в просиженном кресле перед выключенным телевизором, в то время как уровень жидкости в его бутылке

«Эксплорера»⁴ все понижался и понижался. Мама тоже знала, к чему все идет. Я видела это по ее тревожным неуверенным движениям. Особо позаботившись об ужине, она приготовила все любимые блюда папы: свинину с бобами, жареным луком и картошкой, яблочный пирог с густо взбитыми сливками.

Больше никто из нас не любил свинину и бобы, однако мы знали, что их придется съесть. Одновременно мы понимали, что ничто нас не спасет. Критическая точка уже пройдена – как качели, уже прошедшие точку, после которой оставался лишь один путь: вниз.

Никто не проронил ни слова. В молчании мы накрыли на стол, достали праздничный сервиз, выложили салфетки, которые я свернула веером. На такие вещи папа вообще не обращал внимания, но мы старались убедить маму, что это, может быть, поможет. Что он заметит, как мы постарались, какую вкусную еду приготовила мама; что внутри него что-то сдвинется от нашей заботы о нем и он не станет. Просто не станет. Даст качелям качнуться обратно в исходное положение. Однако в нем не осталось ничего, что можно было бы тронуть нашими заботами. Пустота. Пустыня.

– Йоста, ужин готов.

Голос мамы слегка дрожал, хотя она постаралась произнести это веселым тоном. Осторожно провела рукой по волосам. Мама переделалась, заколола волосы, надела красивую

⁴ Шведская марка водки.

блузку и выходные брюки.

Вскоре все мы сидели на своих местах. Мама положила на папину тарелку ровно столько свинины, сколько, как она знала, он хочет. Бобы, картошка, жареный лук – все в точной пропорции. Папа смотрел в тарелку. Долго, слишком долго. Мы все трое знали, что это значит. Я, мама, Себастиан.

Мы сидели, словно замерев, запертые в тюрьме, в которой мы с Себастианом жили с рождения, а мама – с тех пор, как она повстречалась с папой. Мы сидели неподвижно, пока папа смотрел в свою тарелку. Затем, словно в замедленной съемке, он сгреб с тарелки еду. Свинину, бобы, лук и картошку. Ему удалось собрать в свой огромный кулак всего понемногу. Другой рукой он схватил маму за волосы – за ее прическу, которую она так долго делала, и ткнул еду ей в лицо. И медленно, тщательно размазал.

Мама не пошевелилась. Она знала, что ее единственная возможность – ничего не предпринимать. Но мы с Себастианом знали, что сегодня это не поможет. Глаза папы смотрели слишком холодно. Бутылка слишком пуста. Хватка за мамини волосы слишком крепка. Мы не решались поднять на нее глаза или посмотреть друг на друга.

Папа медленно поднялся. Стащил маму со стула. На лице у нее я увидела остатки свинины и бобов. Из духовки донолся запах сахара и корицы – там стоял папин любимый яблочный пирог. Я быстро рассмотрела все возможности, что папа будет делать. Все части тела, которые он может выбрать

для атаки. Возможно, он вернется к тем местам, где уже побывал много раз. На руках у мамы было пять переломов. На ногах – два. Ребра сломаны трижды. Нос – один раз.

В тот вечер папа, видимо, ощущал творческий порыв. Со всей силы он своей мускулистой рукой быстро и жестко прижал мамино перепачканное лицо к столу. Зубы попали на край стола. Мы слышали звук, когда они сломались. Осколок зуба чуть не попал мне в глаз, но застрял в ресницах, а потом упал мне в тарелку. Между бобами.

Себастиан дернулся, но не решился поднять глаза.

– Ешьте! – прошипел папа.

Мы стали есть. Я убрала вилкой кусок мамино зуба...

– Кофе?

– Спасибо, нет. Мне, пожалуйста, еще шампанского и красного вина.

Керстин взяла бумажный стаканчик с кофе из рук стюардессы, которая отправилась принести то, что заказала Фэй.

– Как ты думаешь, кто это может быть? – озабоченно спросила та.

– Угадать невозможно. И бессмысленно тратить силы на догадки, пока мы не собрали дополнительную информацию.

– Не понимаю, как я могла быть такой наивной... Мне и в голову не могло прийти, что прочие акционеры могут про-

дать свои доли, не поговорив со мной.

Керстин приподняла брови.

– А ведь я предупреждала тебя – большой риск продавать такую значительную часть предприятия.

– Да, знаю, – нервно пробормотала Фэй и огляделась, высматривая стюардессу, которая должна была вернуться с ее бутылками. – Тогда мне казалось, что это оптимальное решение. Среди всего этого – Як и Жюльенна, процесс, истерика в СМИ... И смерть Крис. Я обеспечила капитал и надеялась, что, оставаясь председателем правления, смогу контролировать ситуацию.

– В делах ни на что нельзя полагаться, – проговорила Керстин.

– Знаю, ты любишь повторять: «А что я говорила», – но давай возьмем паузу, хорошо? Поговорим о чем-нибудь другом. Я в таком стрессе от того, что приходится сидеть в самолете и не в силах ничего сделать или выяснить до завтрашних встреч... Достаточно того, что я ломала над этим голову все выходные.

Стюардесса вернулась с маленькой бутылочкой шампанского и бутылкой красного вина. Фэй взяла две пустые бутылки, стоявшие перед ней на столике, и отдала их в обмен на новые. Шампанское она открыла в первую очередь, а бутылку охлажденного в холодильнике красного положила между ляжек, чтобы согреть.

– Не забудь, у нас дела, – сухо проговорила Керстин и от-

хлебнула кофе, пока Фэй выливала шампанское в свой бокал.

– Как я уже говорила, встречи у нас только завтра. И я намерена с чистой совестью утопить свои горести в вине. Кстати, а разве тебе не надо выпить? Ты ведь боишься летать.

– Спасибо, что напомнила, мне только что удалось отогнать эти мысли... Нет, если я и умру, то умру трезвой.

– Совершенно нелогично. И не нужно. Когда я умру, я хочу умереть пьяной вдрызг. И пусть между ног у меня будет вон тот пилот...

Фэй подняла одну бровь, кивнув в сторону пилота, который как раз вышел из кабины и переговаривался о чем-то со стюардессами. Ему было на вид лет тридцать – темноволосый, с очаровательной улыбкой, а его фигура свидетельствовала о том, что он проводит много часов в спортивном зале.

– Знаешь, мне думается, пусть лучше пилот сосредоточится на том, чтобы вести самолет, вместо того чтобы предаваться мимолетному общению в туалете, – сказала Керстин с нервным видом, и Фэй рассмеялась.

– Спокойствие, Керстин, именно для этого Бог и изобрел автопилот...

– Чтобы пилот успел совокупиться с пассажирками? Сомневаюсь.

Фэй допила остатки шампанского, открыла бутылку красного и вылила вино в тот же бокал.

Она любила Керстин, однако многое напоминало ей о том,

что они принадлежат к разным поколениям. Крис прекрасно поняла бы, что имела в виду Фэй, и посмеялась бы вместе с ней – или даже начала бы поддразнивать ее, чтобы она с этим пилотом перешла от слов к делу. С тех пор, как они подружились в Торговом институте, Крис всегда была рядом с Фэй. Направляла ее, защищала, поддерживала – и критиковала самым честным образом. Теперь Фэй всегда носила браслет с надписью «FuckCancer»⁵ как напоминание о Крис и о том, как тяжела эта потеря.

Керстин похлопала Фэй по руке. Как обычно, она прекрасно замечала, когда ее мысли устремлялись к Крис.

Фэй откашлялась.

– Квартиры, которые мы с тобой смотрели, будут доступны через несколько дней, – сказала она. – Поживем пока в «Гранд-отеле».

– Там мы ни в чем не будем нуждаться, – сухо откликнулась Керстин.

Фэй улыбнулась. Да уж, там они ни в чем не будут нуждаться.

– Иногда я вспоминаю первое время после развода, – проговорила Фэй. – Когда я снимала у тебя комнату. Как мы сидели с тобой после ужина и строили планы по поводу создания «Ревендж».

– Я еще тогда подумала, что ты потрясающая женщина, – сказала Керстин и снова похлопала ее по руке. – Такой ты

⁵ «К черту рак» (англ.).

и осталась.

Фэй заморгала, чтобы скрыть слезы, и повернулась к кабине. Пилот снова вышел, чтобы переговорить о чем-то со стюардессами. Глядя на него, Фэй подняла в воздух бокал и получила в ответ чуть заметную улыбку.

Несколько минут спустя пилот сообщил по громкоговорителю, что пора готовить самолет к посадке. Стюардессы обошли салон, собирая мусор, проверили, что все спинки кресел и столики подняты, все ремни безопасности пристегнуты.

Керстин судорожно вцепилась в подлокотники, так что косточки пальцев побелели, и Фэй взяла ее за руку, поглаживая.

– Большинство аварий происходит при взлете и посадке, – произнесла Керстин, тяжело дыша.

Вскоре колеса самолета упруго стукнулись о землю, и Керстин так крепко сжала руку Фэй, что кольца врезались в кожу. Но та и бровью не повела.

– Мы уже приземлились, – сказала она. – Все позади.

Керстин выдохнула и слабо улыбнулась ей.

Когда самолет остановился, они собрали свою ручную кладь и двинулись вперед по проходу. Экипаж стоял у выхода, прощаясь с пассажирами. Пилот встретился глазами с Фэй, и она незаметно сунула ему в карман свою визитную карточку. Он тепло улыбнулся ей, и Фэй в душе понадеялась, что им разрешают брать домой летную форму.

Когда они зарегистрировались в «Гранд-отеле», Керстин отправилась в свой номер, чтобы отдохнуть. Фэй подумывала о том, чтобы пойти в спа-салон и заказать себе массаж, но вдруг поняла, что слишком нервничает и не может усидеть на месте. Тогда она отправилась в бар «Кадиер».

Усевшись возле длинной барной стойки, огляделась. Как всегда, здесь яблоку негде было упасть. Большинство посетителей составляли бизнесмены в дорогих костюмах с редущими волосами и упругими животами. Женщины тоже были одеты дорого, и Фэй мысленно отметила все бренды, которые увидела при поверхностном осмотре: «Хьюго Босс», «Макс Мара», «Шанель», «Луи Виттон», «Гуччи» и несколько смельчаков, решившихся надеть вещи от «Пуччи».

Имидж от Эмилио Пуччи воспринимался как «дорогой, но бунтарский», и в гардеробе у самой Фэй имелось немало одежды из его коллекций последних лет.

Сегодня она выбрала нечто более скромное и элегантное. Брюки от «Дианы фон Фюрстенберг» и шелковая блузка кремового цвета от «Стеллы Маккартни». Одежда, которую можно сдать в химчистку. Золотой браслет от «Картье». Она вздрогнула, когда заметила, что рядом с браслетом «Fuck Cancer» у нее надет браслетик, сделанный для нее Жюльенной. Яркие бусины, нанизанные без всякой системы.

Фэй поспешно сняла его и спрятала в карман. На мгновение она забыла, что здесь, в Швеции, все считают Жюльенну умершей.

– Что желаете?

Молодой белокурый бармен внимательно посмотрел на нее, и Фэй заказала мохито – один из любимых напитков Крис. Живо представила себе, как подруга водит трубочкой в бокале с характерной искоркой в глазах, прежде чем начать рассказывать о своем последнем приключении – в деловом мире или с очередным молодым красавцем.

Бармен отвернулся и начал изящно смешивать напиток в высоком бокале. Фэй достала компьютер, открыла его и включила. До завтрашнего дня она ничего не сможет сделать с продажей акций, так что можно было продолжить подготовку к выходу на американский рынок, словно ничего не случилось. Это помогло бы ей сохранить спокойствие.

Именно такое воздействие всегда оказывала на нее работа. Задним числом Фэй не могла понять, как Яку удалось убедить ее отказаться от учебы и карьеры, чтобы потом потерянно бродить дома в четырех стенах или тратить кучу времени на бессмысленные разговоры за скучными обедами. Была ли она счастлива в той жизни – до того, как все рухнуло? Или только внушала себе это, потому что у нее не оставалось иного выбора? Потому что Як загнал ее в угол?

Як сломил Фэй так, как не удавалось никому. Но теперь она отомстила ему – создала успешное предприятие и раз-

рушила его бизнес.

Хенрик Бергендаль, лучший друг и компаньон Яка, тоже лишился всего и вынужден был начинать с нуля. Впрочем, это еще как посмотреть. Пара миллионов в банке и большой дом на Лидингё, оплаченный и отремонтированный – пожалуй, большинство людей не восприняли бы это как «начало с нуля».

Поначалу Фэй даже жалела его. По отношению к ней он всегда вел себя дружески и пострадал только потому, что был в связке с Яком. Но она знала, что Хенрик постоянно изменял своей жене Алисе и что на самом деле между ним и Яком особой разницы не наблюдалось. Оба совершенно потребительски относились к своим спутницам жизни.

Хенрик вскоре снова встал на ноги, так что удар оказался не слишком разрушителен. Его инвестиционная компания добилась больших успехов, а состояние Хенрика теперь стало гораздо больше, чем в те годы, когда он владел «Компэр». Фэй не злилась по поводу его успеха, но и не радовалась за него. Если б он не обращался так плохо с Алисой, она, возможно, даже ощущала бы угрызения совести за то, что между делом наступила на него. Однако теперь ее это не волновало.

Бармен с улыбкой поставил перед ней мохито, и Фэй расплатилась.

– Как тебя зовут? – спросила она, посасывая трубочку. Этот вкус так сильно ассоциировался в ее сознании с Крис...

– Брассе.

– Брассе? Сокращенно от...

– Просто Брассе. Меня так называли.

– О'кей, это требует пояснений. Откуда взялось такое имя?

Смешивая в шейкере напиток, бармен ответил:

– Папина идея. Матч Швеция – Бразилия. Чемпионат мира девяносто четвертого года.

– Девяносто четвертый? Стало быть, тебе...

– Двадцать пять, – вставил мужчина, сидевший рядом.

Фэй обернулась к нему, быстро окинула взглядом от макушки до пят. Серый костюм. «Хьюго Босс». Белая рубашка, тщательно отутюженная. На левой руке платиновые часы «Ролекс» с голубым циферблатом уровня трехсот тысяч. Густые светлые волосы. Либо хорошая генетика, либо тайный визит в какую-либо клинику. Заурядная внешность, но, похоже, держит себя в форме. «Ходит в зал «Фабрика атлетизма» на Эстермальме, – предположила Фэй. – Похоже, он из тех, кто любит единоборства».

– Знаю. Я выгляжу моложе, – проговорил бармен Брассе, наливая напиток в бокал в форме русской матрешки.

– Ты вполне, – сказала Фэй.

Мужчина рядом с ней хохотнул.

– Простите, – обратилась она к нему. – Вы что-то хотели?

– Нет-нет, не буду мешать...

Брассе ускользнул к другому концу стойки и начал при-

нимать заказы. Фэй обернулась к мужчине в сером костюме, который тут же протянул руку.

– Давид, – представился он. – Давид Шиллер.

Она нехотя пожала его руку.

– Фэй.

– Красивое имя. Необычное.

По его глазам Фэй увидела: он понял, кто она.

– Так вы...

– Да, – коротко ответила Фэй.

Казалось, Давид понял намек – во всяком случае, дальше комментировать не стал. Вместо этого он кивнул на ее компьютер.

– Вы много работаете – подозреваю, в этом и кроется секрет вашего успеха. А у меня тут назначена встреча с другом.

– Хорошо, а чем вы занимаетесь?

Фэй отодвинула компьютер. Брасе лучше подходил для небольшого флирта, но теперь все равно не удастся сосредоточиться на работе. С таким же успехом она могла скоротать время за разговором с этим незнакомцем.

– Финансы. Банально, знаю. Финансист, потягивающий джин с тоником в баре «Кадриер».

– Да, немного банально. То есть – банально до ужаса.

– Просто затертое клише, если уж смотреть правде в глаза.

Шиллер улыбнулся ей, и в его лице произошла какая-то перемена. На мгновение он показался ей почти красивым.

– Совершенно нелепо, – согласилась Фэй и подалась впе-

ред. – Давай поиграем в угадки о типичном представителе финансового мира. Посмотрим, сколько у меня будет верных ответов.

– Валяй, – сказал он с веселой готовностью, в глазах сверкнула искорка.

– О'кей, начнем с простого... – Она наморщила лоб. – «БМВ»? Нет-нет, «Альфа-Ромео»!

– Бинго.

Он снова улыбнулся, и Фэй не смогла удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Так-так, «Театральный погребок» не менее одного... вернее, не менее двух раз в месяц.

– Бинго.

– Далее вопрос, где ты живешь – в квартире или на вилле. Эстермальм или Юрскольм. Или, может быть, в Сальтшёбадене? Да, думаю, у тебя вилла в Сальтшё.

– Снова бинго. Ты просто невероятно догадливая!

– Да, я такая. Но пока речь шла о вещах само собой разумеющихся. Дальше будет сложнее...

Фэй допила свой напиток, и Давид помахал Брассе.

– Заказать тебе еще такой же?

– Нет, теперь хочу попробовать напиток из матрешки.

Брассе кивнул и стал готовить заказ.

– Надеюсь, я не испортил того, что могло бы стать началом потрясающей истории любви. – Давид кивнул на Брассе.

– Да нет, я начинаю уставать от двадцатипятилетних, –

ответила Фэй. – Они все такие сладенькие и восторженные...

– Сладенькие...

Давид засмеялся. Фэй вынуждена была признать, что ей нравится его смех.

– Ну что ж, продолжай угадывать. Пока ты во всем попала в точку. Немного тревожит то, что я такой ходячий шаблон.

– Так-так, дай подумать... Ты ведь точно занимаешься спортом. Борьба? «Фабрика атлетизма»?

– Точно. Мне там очень нравится.

– А какой вид борьбы?

– Бразильское джиу-джитсу.

– Само собой... Так, что еще? В последний год ты попробовал падел-теннис и теперь без ума от него?

– Бинго!

– Но твоя жена по-прежнему ходит играть в теннис на Королевский теннисный корт. Когда она свободна от верховой езды.

Давид приподнял брови.

– Бинго раз и бинго два... Уф, хватит, пожалуй, а то я начинаю чувствовать себя как «Фредди на солнечной стороне»⁶.

Фэй ухмыльнулась:

– Да, у вас и фамилия одинаковая. Кстати, какой марки у тебя садовый мангал?

Давид покачал головой и закрыл лицо руками, изображая

⁶ «Фредди на солнечной стороне» – популярное шведское телешоу.

притворный стыд.

– «Саммит S-670 GBS»⁷.

– Ну вот, видишь.

Получив свой напиток, Фэй осторожно пригубила его. У Давида засветился экран телефона – ему пришло смс-сообщение.

– Мой приятель уже здесь, занял место на веранде. Приятно было познакомиться... Фэй.

Когда он ушел, она обернулась к компьютеру и придвинула его ближе. От общения с Давидом у нее неожиданно улучшилось настроение, и она могла снова сосредоточиться на работе.

Тут на экране всплыло сообщение. От Керстин. Фэй как раз собиралась поднести бокал к губам, но ее рука замерла в воздухе. Куплен еще один пакет акций «Ревендж». Фэй сложила компьютер и попросила счет. Хорошее настроение бесследно улетучилось.

Пережженный кофе имел отвратительный вкус – как и всегда в аудиторской фирме «АКВ». Фирма занимала тесные и темные помещения, заставленные полками с папками, которые буквально лопались от бумаг. Однако Фэй и Керстин

⁷ Гриль класса люкс со множеством функций.

предпочли провести встречу в их офисе, а не в своем, куда более просторном и уютном. Разумнее всего пока не показывать своим сотрудникам, что что-то затевается. Как на иллюстрации, висевшей на стене у аудитора Эрьяна Биргерссона. Утка, которая плавно скользит по воде, а под водой остервенело работает лапками. Это в точности показывало, как Фэй чувствовала себя сейчас.

– Еще кофе? – с энтузиазмом спросил Эрьян, однако и Фэй, и Керстин активно замотали головами. На одну чашечку они из вежливости согласились, но никто не желал подвергнуть себя этому сомнительному удовольствию еще раз.

– Итак, каково ваше мнение?

Фэй подалась вперед, вглядываясь в лицо Эрьяна. Аудитор был низкорослый и седоволосый, с очками в тонкой стальной оправе. Глаза его смотрели живо, и все, связанное с цифрами, дебетом и кредитом, вызывало у него неумеренный энтузиазм.

– Ну, тут дело сложное! – радостно ответил он, и Фэй почувствовала, что скрежещет зубами.

У нее стоял вопрос о жизни или смерти. Она воспринимала «Ревендж» как живое существо – из плоти и крови, дышащее, пульсирующее. В «Ревендж» продолжала жить Крис. Жюльенна была частью «Ревендж». Керстин. Все те женщины, чьи раны и шрамы легли в основу «Ревендж». Все их истории жили в этой фирме. Но теперь нашлись и те, кто угрожал ее существованию.

– Керстин совершенно права. Если посмотреть внимательно на покупку акций, можно увидеть некий паттерн, так что многое указывает: за ними стоит один и тот же скупщик.

– Вы можете увидеть, кто за этим стоит? Есть ли какой-то общий знаменатель?

– Пока нет, на это потребуется время. Как бы то ни было, тот, кто скупает акции – индивид или предприятие, – свое дело знает. Я бы провел аналогию с мотком пряжи. Хаотичное нагромождение компаний и закупок. Не следуй они все единому паттерну, трудно было бы увидеть, что за ними стоит один скупщик. Паттерн их выдал. Керстин, как я уже говорил, это мастерски распознала.

Он подмигнул Керстин, и Фэй с изумлением уставилась на него. Керстин такое обращение не понравилось.

– Сделайте все от вас зависящее, чтобы собрать как можно больше сведений. Как можно скорее, – проговорила она самым корректным тоном.

Эрьян, кажется, не замечал этого, а продолжал стрелять глазами в ее сторону.

– Само собой, Керстин. Само собой. Здесь, в «АКВ», мы всегда делаем все от нас зависящее, а я, скажу без ложной скромности, – один из лучших специалистов в отрасли. Помню, например, заказ от Министерства обороны, когда...

– Каково положение на сегодняшний день? – прервала его Фэй.

Из собственного опыта она знала, что истории боевых по-

хождений Эрьяна на почве аудита оказывались долгими и убивали в слушателях всякую искру радости жизни.

– Не слишком многообещающее.

– Мы догадались, но нам нужны подробности.

Фэй слышала, как сурово прозвучал ее голос, однако стресс и нетерпение подгоняли ее. Она – человек действия, ей хочется действовать, но, не располагая фактами, она чувствовала себя связанной по рукам и ногам. Чтоб дать отпор, ей нужно знать, кому и как.

– Новая покупка, совершившаяся вчера, наводит на мысль, что скупщик уже не осторожничает и не пытается скрыть, что осуществляется насильственное присоединение, то есть исходит из того, что колокольчик уже прозвенел.

Фэй выругалась себе под нос, и Керстин положила ладонь ей на руку. Фэй подумала, что никому не позволит присвоить себе то, что принадлежит ей. Никто не сможет отобрать у нее фирму, ради которой она столь многим рискнула и столь многим пожертвовала.

Предприятие Крис, которое Фэй унаследовала после смерти подруги, она интегрировала в «Ревендж». Это означало, что и вся империя продукции по уходу за волосами, созданная Крис, теперь находилась под угрозой. И будь у той малейшая возможность вернуться с той стороны, чтобы задушить ее голыми руками за то, что она это допустила, Крис обязательно бы так и сделала, это Фэй знала точно. Похоже, ей придется спать по ночам, оставив один глаз приоткры-

ТЫМ...

– Узнайте, кто за всем этим стоит. И дайте нам распечатку всего, что вам удалось собрать, – с этого мы и начнем работать.

Фэй поднялась, и на лице у Эрьяна отразилось разочарование. Он посмотрел на Керстин, которая тоже встала, взяла сумочку и расправила юбку.

– Понимаю, что у вас много дел, однако питаться все равно приходится, поэтому я хотел спросить...

Он в очередной раз взглянул на Керстин, которая в панике ущипнула Фэй за бедро.

Та откашлялась.

– Пообедать мы сейчас не успеем, но у вас есть мой номер телефона. Позвоните, как только что-нибудь выясните.

– Само собой. Но, боюсь, непросто будет вам, девочки, во всем этом разобраться. Может быть, пригласим людей от «Маккинси»? У них очень толковые ребята.

– Спасибо, нет.

Фэй захлопнула за ними дверь.

– Я намерена отказаться от услуг Эрьяна, – сказала она, когда они сели в такси. – Надо найти кого-нибудь другого.

Керстин кивнула.

– В тот момент, когда он называл нас девочками, я подумала о том же самом.

Вскоре такси остановилось у вращающихся золотых дверей «Гранд-отеля», и Фэй с Керстин вышли.

– Обед? – Фэй взяла свой плащ и сумочку, вопросительно глядя на Керстин.

– Мне нужно кое-что проверить прямо сейчас. Ты сможешь пообедать одна?

– Да, ясное дело; к тому же мне тоже надо кое-что сделать. Тогда увидимся в два? В моем номере? И засучим рукава.

– Да, в два – то что надо.

Керстин первая прошла через вращающуюся дверь, а Фэй попала в следующий отсек. Плащ она перекинула через руку, чтобы достать из сумочки ключ, и вздрогнула, когда кто-то дернул ее сзади. Она обернулась и увидела, что плащ застрял в дверях.

– Проклятье!

Фэй изо всех сил потянула за плащ, но тот застрял намертво. Портье, стоявший за конторкой у входа, поспешил к ней на выручку, но и у него ничего не получилось. Сделав виноватое лицо, он умчался вверх по лестнице за помощью, пока Фэй продолжала дергать плащ.

Кто-то постучал в стекло. Это был Давид, вчерашний мужчина из бара.

– Если ты сделаешь шаг назад, я навалюсь с этой стороны. Дергая за плащ, ты не сможешь повернуть дверь.

– Да, я уже заметила, – мрачно ответила Фэй.

Она отступила на шаг. Давид нажал на дверь. Образовалась большая щель, так что Фэй смогла высвободить свое плащ. Портье, спускавшийся по лестнице в сопровождении

консьержа, казалось, вздохнул с облегчением.

Давид улыбнулся ей:

– Как хорошо, что все разрешилось.

– Спешишь на падел-теннис? – мрачно спросила Фэй.

Она понимала, что должна быть благодарна своему спасителю, однако тот выглядел слишком самодовольным из-за того, что смог изобразить из себя рыцаря на белом коне.

– Нет, я как раз собирался пойти пообедать где-нибудь поблизости. Ты обедала?

– Нет, – ответила Фэй и тут же пожалела о сказанном.

– Собираешься обедать?

– Да. То есть нет. Мне надо немного поработать, поэтому я хотела что-нибудь на скорую руку...

– Отлично, тогда пообедаем вместе. Предпочтешь остаться здесь или пойдём куда-нибудь?

– Лучше здесь.

Фэй снова прикусила язык. Да что с ней такое? У нее ведь нет ни малейшего желания обедать с этим незнакомцем. Впрочем, после встречи в аудиторской фирме ей все равно будет сосредоточиться на работе, так почему бы не пообедать основательно?

– «Фуд-бар». Ты угощаешь, – сказала она.

Давид снова улыбнулся той самой улыбкой.

– Принимается.

– Предупреждаю тебя: я обхожусь дорого. Ем как лесоруб. И глушу шампанское, как жена богача, муж которой только

что сбежал от нее с секретаршей.

– Отлично. Я при деньгах.

Он стал подниматься по затянутой коврами лестнице, потом обернулся и вопросительно взглянул на нее. Вздохнув, Фэй двинулась за ним.

– Нет, черт возьми, с какой стати тебе такая честь – угощать меня? Я угощаю.

Давид пожал плечами:

– Решать тебе. Но предупреждаю: я тоже дорого обхожусь.

– Я тоже при деньгах, – ответила Фэй.

Вопрос в том, как долго это будет оставаться правдой.

– Может быть, все же попробуешь устрицу? Ну самую маленькую...

Керстин бросила на Фэй полный отвращения взгляд.

– Даже не знаю, сколько раз ты задавала мне этот вопрос, – но разве когда-нибудь слышала какой-нибудь другой ответ? Нет.

– Клянусь тебе, они ужасно вкусные.

Фэй выжала на устрицу лимонный сок, а сверху положила чайную ложечку мелко нарезанного красного лука, вымоченного в уксусе.

– Нет, ты даже не представляешь себе, как много теряешь.

– Я предпочитаю приготовленную еду. Как вот этот омар,

например. Никому не придет в голову есть его сырым.

Керстин потянулась к большому подносу с дарами моря, стоящему перед ними, за второй половинкой омара. «Стю-рехоф» вибрировал от хохочущих посетителей, позвякивающих приборов и официантов в элегантной, расшитой золотом белой форме, ловко маневрировавших среди столиков.

– Ты же любишь селедку!

– Но ведь она не сырая, она... да какая же, черт побери, селедка? Малосольная? Маринованная? Во всяком случае, не сырая.

– Ну, раз ты так говоришь...

– Замолчи и ешь свои ракушки. Иначе я и твою половинку омара съем.

– Бери, я еще не проголодалась после обеда.

Фэй откинулась на стуле, потягивая вино. К ужасу официанта, она заказала целую бутылку «Амароне»⁸. Видимо, считалось, что этот напиток не сочетается с дарами моря. Однако персонал здесь слишком хорошо вышколен, чтобы указывать посетителям на такие вещи. Посетитель всегда прав. Впрочем, Фэй не сомневалась, что сомелье рыдает на кухне.

– Кстати, обед... Ну как, было мило?

– Да ладно, ничего такого; я просто случайно заговорила с ним вчера в баре отеля. Как раз такой тип мужчины, которого и ожидаешь встретить в «Кадиере».

⁸ «Амароне» – разновидность итальянского красного вина с очень насыщенным вкусом.

– Однако, похоже, вы с ним хорошо посидели? Ты сегодня несколько раз его упоминала...

– Послушай, теперь ты начинаешь мне надоедать.

Фэй потянулась за морским раком и принялась ловко очищать его. Если ты родился во Фьельбаке, то дары моря сумеешь очистить даже во сне.

– Да. Нет. Мы хорошо посидели. Он с юмором, довольно эрудированный, при этом не поучает. Всегда приятно встретить в мужчине такое редкое качество.

Керстин подняла брови, и Фэй покачала головой:

– Хватит о моем обеде. Итак, у нас есть план, так?

Всю вторую половину дня обе провели в номере у Фэй, обсуждая, что им известно и какие возможности для маневра имеются. Их оказалось куда меньше, чем надеялись две женщины. Фэй и Керстин перебирали названия фирм и фамилии людей, которые, по их мнению, могли стоять за скупкой акций, однако никто не казался более вероятным, чем остальные. Фэй просто не могла додуматься, кто же пытается отнять у нее «Ревендж».

Не могла она понять и того, как акционеры могли начать продавать акции у нее за спиной. Женщины, с которыми она бок о бок прошла подъем и успех «Ревендж». Никакого недовольства не наблюдалось. Все лишь хвалили ее стиль руководства, пресса писала о ней восторженные статьи, ее удостоили награды «Бизнес-леди года». Никто никогда не высказывал никаких жалоб, от которых могли бы загореться

тревожные лампочки. Фэй просто не могла понять, как это возможно.

– Ты не можешь вот так оставить голову, – возмущенно проговорила она, указывая на половинку омара Керстин. – Это коричневое – омаровое масло, самое вкусное. Можно высосать мясо из этих мелких косточек, а в хвосте есть тонкие-тонкие полосочки мяса, если раздвинуть плавники...

– Уж позволь мне есть так, как я считаю нужным, – проворчала Керстин и положила панцирь омара обратно на поднос, взяв вместо него горсть креветок.

– Может быть, закажешь себе в следующий раз омаров в банке – не придется возиться с панцирем...

Керстин со смехом замотала головой и откинула челку тыльной стороной ладони. Взяв в рот глоток «Амароне», Фэй наблюдала за Керстин, которая с трудом чистила своих креветок. В очередной раз у нее мелькнула мысль, как она благодарна подруге за то, что та вошла в ее жизнь. Когда они встретились, все было совсем по-другому. Когда Фэй сняла комнату на вилле у Керстин в Эншеде, Керстин жила там одна, поскольку ее негодяй-муж находился на длительном лечении после инсульта. Керстин не скучала по нему, поскольку он превратил ее жизнь в ад – в психическом и физическом смысле. Постепенно женщины сблизились, стали одной семьей и теперь стояли друг за друга и в горе, и в радости. У Фэй с трудом получалось доверять людям, но Керстин она доверяла слепо.

Благообразный господин с седой шевелюрой и ухоженными усиками задержал взгляд на Керстин чуть дольше обычного. Фэй толкнула ее ногой под столом.

– Вон там, на два часа. Старик, который выглядит так, словно сошел с картинки о колониальных временах. Глаз от тебя не отводит. Ты начала пользоваться мускусным маслом или что вообще происходит?

Керстин покраснела до ушей.

– Не собираюсь даже отвечать. Закажи мне бокал шардоне и давай поговорим о наших планах на завтра.

Жестом подозвав официанта, Фэй сделала заказ. Мужчина с усиками улыбнулся Керстин, которая изо всех сил пыталась игнорировать его.

– Начнем со «Скавлан»⁹, а потом поделим между собой акционеров, которые еще не продали свои пакеты акций, и побеседуем с ними.

Фэй взяла с серебряного блюда еще одного рака.

– Важно не раскрывать карты перед ними. Мы же не хотим, чтобы они знали, что на предприятие ведется атака.

– Знаю, но самое главное, на мой взгляд, – помешать тому, чтобы и другие стали продавать...

– От господина за тем столиком.

Официант установил рядом с их столиком ведерко с бутылкой шампанского, изящным движением поставил перед ними по бокалу и с громким хлопком открыл бутылку.

⁹ «Скавлан» – шведско-норвежское ток-шоу.

Фэй многозначительно подняла бровь. Керстин фыркнула.

– Я же говорила. – Фэй усмехнулась. – Muskusное масло.

Она предполагала, что Керстин делало неотразимой для мужчин то счастье, которое та испытывала с тех пор, как познакомилась с Бенгтом.

Фэй кивнула колониальному дядечке, который поднял свой бокал в тосте, улыбаясь от уха до уха, и снова пнула Керстин под столом.

– Веди себя прилично. Чокнись, поблагодари. Никогда не знаешь, к чему все это может привести.

– Фэй!..

Керстин снова покраснела. Но подняла свой бокал и одарила незнакомца любезным взглядом.

Свет прожекторов в студии слепил глаза. Фэй потеряла счет времени – не знала, как давно продолжается интервью, сколько еще осталось. Публика сидела рядами на трибуне, словно голодная безликая масса, ловя каждое слово, каждое малейшее изменение в ее лице.

В таких ситуациях Фэй обычно чувствовала себя как рыба в воде. Будучи артистической натурой, она обожала сидеть перед публикой, ощущать напряжение во время записи телепередачи. Но сегодня чувствовала себя не в своей тарелке.

Мысль о том, что кто-то пытается скупить акции, почти всю ночь не давала ей заснуть, и Фей без конца ворочалась в постели. Все слова она продумала заранее – мысленно выстроила беседы с теми женщинами, которых ей предстояло убедить сохранить свои пакеты акций, не раскрывая им, что что-то затевается. Непростая задача, которая потребует такта и ловкости.

От мыслей ее оторвала повисшая пауза. Ей задали вопрос и ожидали от нее ответа.

– В ближайшее время планируется выход на американский рынок, – услышала она свой собственный голос. – Я пробуду в Стокгольме около месяца, чтобы встретиться с возможными инвесторами и обсудить детали. К тому же я хочу лично наблюдать за новой эмиссией.

В студии царил невыносимая жара. По спине стекала струйка пота.

Фредрик Скавлан, норвежский ведущий программы, выпрямился.

– Эта неиссякаемая страсть... Что тобой движет? Ведь ты уже миллиардерша. Икона феминизма.

Фэй выдержала паузу. Другими гостями в студии были актер из Голливуда, женщина-профессор, только что выпустившая документальную книгу, разошедшуюся огромным тиражом, и еще одна женщина, которая поднялась на Эверест с протезом вместо одной ноги. Голливудский актер откровенно флиртовал с Фэй с того момента, как она вошла в

студию.

– Перед смертью моей лучшей подруги Крис я пообещала ей жить за нас обеих. Я хочу проверить, насколько могу преуспеть и что могу создать. Более всего я боюсь умереть, не успев реализовать свой потенциал.

– А Жюльенна, твоя дочь, убитая твоим бывшим мужем... Что означает для тебя память о ней?

Фредрик Скавлан подался вперед, напряжение в студии возросло.

Фэй выждала, прежде чем ответить, наблюдая, как накаляются страсти. Ответ она разучила заранее, но важно было произнести его с чувством.

– Она всегда со мной, что бы я ни делала. Когда боль и тоска становятся невыносимыми, я с головой ухожу в работу. Я управляю «Ревендж» и помогаю компании расширяться, чтобы не сойти с ума. Не хочу стать очередной женщиной, молчащей о поступках своего мужа. Не позволю ему – мужчине, которого я когда-то любила, но который убил нашу дочь, – убить и меня тоже.

Фэй сжала губы, и слеза медленно скатилась у нее по щеке, упав на блестящий черный пол студии. Все это давалось ей без труда. Боль таилась под самой поверхностью, так что пробудить ее было проще простого.

– Спасибо, Фэй Адельхейм, что ты пришла сюда и поведала нам свою историю. Я знаю, что тебя ждут срочные дела и тебе пора идти.

Публика вскочила на ноги; затрещали аплодисменты, которым, казалось, не будет конца. Они продолжались, пока Фэй шла через студию, мимо трибуны и далее за сцену.

По пути к своей гримерной она подозвала девушку с наушником в ухе и попросила вызвать ей такси. В конце коридора услышала голос голливудского актера, который окликнул ее. Проигнорировав его, закрыла за собой дверь. В гримерной жужжал кондиционер. В углу, словно забытый кем-то, стоял просиженный диван горчичного цвета. Фэй остановилась и, прислонившись к стене, постаралась улыбнуться своему отражению в зеркале. Миссия выполнена. Все прошло прекрасно. Фрагменты правды, полуправды и лжи сложились в единый образ – такой она хотела подать себя. Однако Фэй не ощущала обычного прилива адреналина, как всегда после хорошо проведенного выступления на телевидении. Тревога накрыла ее, словно мокрое одеяло, которое не получалось сбросить. Она совершила большую ошибку – восприняла будущее как данность. Ее охватила та же гордыня, которая заставила Икара подлететь слишком близко к солнцу на своих скрепленных воском крыльях. Теперь ей придется расплачиваться – покуда воск плавится, а ее крылья рассыпаются на части.

Фьельбака, давным-давно

В день рождения, когда мне исполнилось тринадцать лет,

меня впервые изнасиловали. На самом деле тот день ничем не отличался от других. Скорее по чистой случайности все произошло именно в мой день рождения. Никакого празднования устраивать не стали, поскольку папа заявил, что это пустая трата денег; к тому же он не захотел вставать до работы пораньше, чтобы спеть мне традиционную песню.

За ужином – на ужин была запеченная рыба – мы тоже сидели молча. Я, Себастиан, мама и папа. Несколько раз мама пыталась заговорить, вставить какие-то житейские фразы, чтобы завести разговор, хотя бы на несколько секунд создать ощущение нормальности, но после того как папа наорал на нее, велел ей заткнуться, она сидела молча, ковыряясь в тарелке. Я все же оценила то, что она попыталась. Вероятно, это и не соответствовало действительности, но мне показалось, что мама особенно старалась по случаю моего дня рождения. Я поспешно погладила ее по руке под столом, желая без слов выразить благодарность; даже не знаю, уловила ли она мой жест.

Покончив с ужином, папа встал и вышел, оставив тарелку на столе. Себастиан поставил свою в мойку. Мы с мамой не возражали против того, чтобы заняться мытьем посуды. Напротив, готовя ужин, мама успевала максимально напачкать в кухне, чтобы тот момент, когда мы остаемся одни в кухне, наводя порядок, продолжался как можно дольше.

В гостиной включился телевизор, и мы улыбнулись друг другу, с облегчением отметив, что остались одни. Под при-

крытием звона посуды и шума воды из крана шепотом начали рассказывать друг другу, как провели день. Я обычно присочиняла и добавляла кое-что от себя, чтобы рассказ звучал повеселее, чтобы мама не расстраивалась. Думаю, она поступала так же. Эти краткие минуты в кухне стали нашей отдушиной. Так зачем портить их чем-то столь мрачным, как реальность?

– Пошли.

Мама взяла меня за руку, оставив воду течь, чтобы папа думал, что мы все еще моем посуду. Вслед за ней я выскользнула в прихожую. Запустив руку в карман своей куртки – осторожно, чтобы не зашуршать, – мама протянула мне маленький пакетик, завязанный ленточкой с бантиком.

– С днем рождения, моя дорогая, – прошептала она.

Я осторожно развязала бант, развернула бумагу и беззвучно открыла крышку коробочки, лежавшей внутри. Там лежала серебряная цепочка с кулоном в виде крыльев. Ничего прекраснее я в жизни не видела.

Я крепко обняла маму. Долго держала ее в объятиях, вдыхала ее запах, ощущая, как ее сердце тревожно стучит в груди. Когда мы разомкнули объятия, она достала цепочку из коробочки и надела мне на шею. Потом ласково потрепала меня по щеке и вернулась к посуде. Я коснулась пальцами крыльев. На ощупь они показались мне такими хрупкими...

В гостиной кашлянул папа. Я отпустила крылышки, поспешно спрятала кулон под джемпером и пошла в кухню по-

могать маме с мытьем посуды.

Когда мы закончили, я поднялась в свою комнату, находившуюся рядом с комнатой Себастиана. Быстренько сделала уроки. Хотя я ходила в седьмой класс, учебник математики у меня был для девятого. Я пыталась протестовать, зная, что это еще больше разозлит моих одноклассников и вызовет настоящую войну по отношению ко мне, но учитель настаивал. Он сказал мне, что надо приложить усилия, чтобы чего-то добиться в этом мире.

Письменный стол у меня был старый, кривой и весь в следах от ручки, когда та выходила за пределы бумаги. Время от времени мне приходилось подгонять картонку, лежавшую под одной ножкой, чтобы стол не качался.

Положив ручку, я потянулась. Как часто бывало, взгляд мой упал на книжную полку. Потрепанные, многократно перечитанные книги. Временами мне приходилось с тяжелым сердцем расчищать на ней место для новых книг, которые я находила на блошином рынке или получала в подарок от доброй библиотечарши Эллы, когда библиотека Фьельбаки избавлялась от излишков.

С некоторыми книгами я никогда не соглашусь расстаться. «Маленькие женщины», «Тесс из рода д'Эрбервилей», «Жизнь и любовь дьяволицы», «Кристина, дочь Лавранса», «Поющие в терновнике», «Грозовой перевал», «Маленькая принцесса». Это были не просто книги, доставшиеся мне от мамы, – в них таились воспоминания. Магические моменты,

когда мне удавалось ускользнуть в иной мир, сбежать из моего собственного, побыть кем-то другим.

Там, где стены не были закрыты книжными полками, я повесила изображения своих любимых писателей. Когда у других девчонок в классе на стенке висели «Тейк Зэт», «Бон Джови», «Блёр» и «Бойзоун», на меня смотрели Сельма Лагерлёф, Сидни Шелдон, Артур Конан Дойл, Стивен Кинг и Джекки Коллинз. Когда-то они были любимцами моей матери. Теперь они стали моими. Моими героями. Они отрывали меня от моей повседневной жизни и уносили далеко-далеко. Я понимала, что за такое меня обзовут ботаником. Но ко мне в гости все равно никогда никто не приходит, так кто же увидит?

Я решила не чистить зубы и сразу перебралась на кровать, слыша, как Себастиан бродит туда-сюда в своей комнате. На нижнем этаже папа ругал маму; та молчала, стиснув зубы, — думаю, она обещала исправиться в надежде, что этого окажется достаточно, чтобы хотя бы сегодня избежать побоев. В этом году мама уже четыре раза обращалась в «травму». Неужели они не разгадали ее отговорки по поводу дверей, на которые она наткнулась, и лестниц, с которых она упала? Целый дом, вся обстановка которого ополчилась против нее, словно могущественный деревянный враг... Ни один нормальный человек не мог бы в это поверить. Но никто ничего не предпринял. В этом маленьком поселке не принято было выносить сор из избы. Все казалось гораздо проще, когда ото

всех ко всем тянулись нити взаимной зависимости – как гигантская паутина.

Я легла на бок, лицом к стене, положив голову на руки. Будучи поменьше, мы с Себастианом часто перестукивались через стенку. Особенно когда папа бил маму. Но с нашего последнего перестукивания прошло уже несколько лет. Иногда он спал в моей постели, когда мама с папой ссорились; лежал, свернувшись клубочком, как маленький щенок. Но чаще мы перестукивались. Однажды вечером Себастиан перестал мне отвечать. Я пыталась, неделями пыталась достучаться до него, но однажды он влетел ко мне в комнату и заорал на меня, чтобы я перестала колотить ему в стенку.

– Маленькая шлюшка! – крикнул он.

Запинаясь, я извинилась, потрясенная его словами.

Это совпало по времени с тем моментом, когда его перестали дразнить в школе и он подружился с двумя парнями старше себя, которые пользовались популярностью. С Томасом и Рогером.

Томас всегда смотрел мне в глаза, когда мы сталкивались в школе. В нем мне чудилось нечто трогательное, хрупкое, но все же очаровательное, поэтому я всегда немного сбавляла шаг, встречаясь с ним в школьном коридоре. Иногда я надеялась, что он придет как-нибудь вместе с Себастианом к нам домой. Но чаще надеялась, что не придет.

Я погасила верхний свет, кровать превратилась в островок света среди тьмы, и поскольку я дочитала перед ужином

детектив Агаты Кристи, а новых книг в библиотеке взять не успела, то достала «Приключения Гекльберри Финна» – одну из тех книг, от которых я никогда не избавлюсь и которую перечитывала десятков раз.

Глаза слипались от усталости, но мне требовалось забыть-ся, так что я стала читать, чтобы не встречаться лицом к лицу с собственными мыслями. Чем больше я устану, тем быстрее засну, и мне не придется лежать в темноте.

Где-то около полуночи я услышала, как распахнулась дверь. Я ожидала услышать скрип на лестнице, когда кто-то крадется вниз в туалет. Но этих звуков не последовало; вместо этого распахнулась дверь моей комнаты. Сперва я обрадовалась, подумав, что это означает: мы с Себастианом снова начнем общаться. В последнее время мне его так не хватало...

Бар «Кадьер» был заполнен до половины. Туристы и бизнесмены расположились на диванчиках и в креслах с бокалами в руках. То и дело пробегали туда-сюда быстроногие официанты. Фэй отодвинула пустую тарелку; тут же подбежал официант и спросил, не желает ли она чего-нибудь еще. Покачав головой, она откинулась в кресле, глядя на освещенный королевский дворец по другую сторону Стрёммена. Группа американцев за соседним столиком громко и недо-

вольно обсуждала представления шведов о том, как должен выглядеть дворец. По их словам, он у них скорее похож на тюрьму. Фэй подумала, что дворцы из диснеевских мультфильмов создали у них неверные ожидания.

После напряженного дня она чувствовала себя совершенно опустошенной. Сначала «Скавлан», потом несколько бесед с акционерами, с одними по телефону, с другими лично. Но все прошло великолепно. По ее мнению, ей удалось, не возбуждая подозрений, донести свою мысль – что они должны сохранить за собой свой пакет акций. Они с Керстин выработали стратегию, которая, похоже, сработала – намекнуть, что в связи с расширением в США намечаются большие дела, так что разумнее всего будет попридержать свои акции.

Голос, звучавший все громче, заставил ее обернуться. За несколько столиков от нее сидели мужчина лет пятидесяти и женщина двадцати с небольшим. Они могли оказаться отцом и дочерью, но Фэй вскоре поняла, что здесь происходит собеседование. Молодая женщина пыталась держаться профессионально и говорить о своих деловых качествах, в то время как мужчина, все более хмелея, спрашивал, есть ли у нее бойфренд, много ли она пьет, и уговаривал ее выпить и «расслабиться».

Фэй покачала головой, ощущая, как внутри нее клокочет ярость.

– Точно не хочешь джин с тоником? – спросил мужчина. –

Или предпочитаешь сладенькие напитки? Может быть, мохито?

Молодая женщина вздохнула.

– Спасибо, не стоит, – проговорила она.

Фэй стало жаль ее. Нетрудно догадаться, что у мужчины, который, судя по разговору, являлся владельцем рекламного бюро, в голове было нечто иное, нежели прием на работу.

Фэй поднялась и, держа в руке бокал, подошла к их столу. Мужчина, всю рассуждавший о своей яхте, на которую только что пригласил молодую женщину, замолк от неожиданности.

– Я не могла не услышать потрясающий рассказ о том, как ты создал свое бюро. Отличная работа.

Легко было заметить, что мужчина узнал Фэй. Облизнув губы, он кивнул и гордо произнес:

– Тяжелый труд приносит результаты.

– Как тебя зовут? – спросила Фэй, протягивая руку.

– Патрик Ульман.

– Фэй. Фэй Адельхейм. – Она улыбнулась ему. – Но один момент несколько удивил меня, Патрик, поэтому я решила спросить тебя: при приеме на работу новых сотрудников ты всегда проводишь интервью в барах отелей в столь поздний час или только когда речь идет о молодых женщинах?

Патрик Ульман открыл было рот, но тут же снова закрыл его. В эту минуту он более всего напоминал окуня, хватяющего ртом воздух на разогретых солнцем мостках.

– Это выглядит как весьма сомнительный способ узнать о деловых качествах человека – пытаться подпойть его, спрашивать о бойфрендах и тут же пригласить к себе на яхту. Но, может, я чего-то не понимаю?

Молодая женщина скривилась. Лицо Патрика Ульмана все заметнее краснело. В глубине его горла зародился какой-то звук, но Фэй опередила его:

– Что у тебя там, «Галеон 560»? Дорогой мой, на такой пластмассовой посудине я даже на рыбалку отправиться не рискнула бы.

Женщина уже не могла сдерживать смех.

– Ах ты проклятая су...

Фэй подняла в воздух палец и подалась вперед, так что их носы почти соприкоснулись.

– Проклятая кто? – тихо переспросила она. – Что ты собирался сказать, Патрик?

Мужчина сжал губы. Фэй выпрямилась.

– Я так и подумала.

Она улыбнулась ему, отпила глоток вина и, повернувшись к женщине, достала из сумочки свою визитную карточку и положила перед ней.

– Если тебе нужна настоящая работа или возникнет желание прокатиться на настоящей яхте, напомни о себе.

Развернувшись на каблуках, она вернулась к своему столу и уселась.

Красный как рак Патрик Ульман что-то пробормотал сво-

ей спутнице, расплатился и выбежал прочь.

Фэй помахала вслед его удаляющейся спине, допила вино и уже собралась встать, чтобы отправиться к себе в номер. Она мечтала опуститься в горячую ванну, смыть телевизионный макияж и забраться в постель.

Ее мысли прервало вежливое покашливание. Обернувшись, Фэй увидела, что рядом стоит Давид Шиллер. В его глазах блестели искорки смеха. Раньше она не обращала внимания, какого цвета у него глаза. Лазурные. Как Средиземное море. В одной руке Давид держал бокал сухого мартини.

– Хотел поблагодарить тебя, – начал он.

– За что? – с вызовом спросила Фэй.

– За то, что ты только что сделала. Этот твой поступок навел меня на мысль о моих дочерях. Я хочу, чтобы они выросли с уверенностью, что весь мир лежит у их ног, как когда-то казалось мне. Через несколько лет мои Стина и Фелиция станут как эта молодая женщина. И я так рад, что есть такие люди, как ты, стоящие на их стороне.

От его слов в груди у нее что-то сжалось. Фэй подняла бокал, обозначая тост.

– В чем суть взятки за молчание, если никогда не просить народ заткнуться, – ответила она. Давид, который как раз отпил мартини, рассмеялся, так что прозрачная жидкость выступила на уголках его губ. – Так говорила моя лучшая подруга Крис.

– Выпьем за Крис, – ответил Давид.

Он не обратил внимания, что она сказала в прошедшем времени, а Фэй не стала это подчеркивать. Боль оставалась слишком сильной. У нее даже не хватало сил на то, чтобы общаться с Юханом – тем прекрасным мужчиной, с которым Крис обвенчалась на смертном одре. Он слишком напоминал Фэй о том, что она потеряла.

Она снова взглянула на Давида. Пожала плечами, сама не зная чему – вероятно, своим прошлым возражениям, – и спросила:

– Не хочешь присесть?

Они заказали новые напитки: сухой мартини Давиду и джин с тоником для себя.

– И давно ты живешь в отеле? – спросила она, отставив свой бокал. – Ибо я подозреваю, что ты живешь здесь. В противном случае у тебя нездоровая склонность постоянно болтаться в «Гранд-отеле».

Давид поморщился:

– Я живу здесь уже две недели.

– Долго. Есть для этого какие-то особые причины? Зачем жить в отеле, имея виллу в Сальтшёбадене?

Он вздохнул:

– Я в состоянии развода с мамой девочек.

Достав из своего напитка оливку, отправил ее в рот и произнес, обведя рукой вокруг:

– Бывает и хуже. Как-никак я живу в «Гранд-отеле». Всего в нескольких шагах отсюда на тротуарах спят бездомные,

у которых не хватает денег заплатить за самую примитивную ночлежку. Остается посмотреть правде в глаза. Юханна справляется с материнской ролью куда лучше, чем я с отцовской, как бы я ни старался, так что более чем логично, что она осталась с ними в нашем доме. Но, черт подери, как я по ним скучаю...

Фэй отпила глоток джина с тоником. Ей понравилось, как он отзывается о будущей бывшей жене. Уважительно, не пытаясь изобразить другую сторону как злобного монстра.

Давид рассмеялся – мысль о дочерях что-то пробудила в нем.

– В субботу Стина и Фелиция придут сюда. Съездим в «Грёна Лунд», а потом нас ждет квест по Гарри Поттеру. Боюсь, что я, как ни печально, жду этого момента с бóльшим нетерпением, чем они.

Он взмахнул в воздухе воображаемой волшебной палочкой, и Фэй не смогла сдержать улыбку.

– Мы уже выяснили, что ты финансист. Чем конкретно ты занимаешься? – спросила она.

Фэй вынуждена была признать, что Давид пробудил в ней интерес. В нем чувствовалась некая обезоруживающая открытость, которая притягивала ее.

– Я... собственно говоря, я тот, кого называют «бизнес-ангелом». Нахожу интересные новые компании и инвестирую в них, стараясь сделать это на максимально более ранней стадии.

– И во что же до сих пор были твои самые удачные инвестиции?

Давид назвал компанию в области биотехнологий, хорошо известную Фэй. Ее основатели сделали стремительную карьеру на бирже и теперь стоили сотни миллионов, а компания продолжала расти.

– Отлично. Поздравляю. Насколько рано ты в них вложил-ся?

– Ой, настолько рано, что парни еще не закончили школу. Они учились в Чальмерс¹⁰, и все это началось как студенческий проект. Однако по поводу их инновации появилась заметка в газете, я ее случайно прочел, заинтересовался, связался с ними и... ну, остальное уже история. В первую очередь инвестируешь в людей, создавших то или иное предприятие. У некоторых людей есть такая черта, которая приведет их к успеху, которая не позволяет им сдаться. Остается только найти их. Многие, кто приходит ко мне со своими бизнес-планами, – всего лишь привилегированные сынки богатеев, которым никогда ни за что не приходилось бороться. Они думают, что стать предпринимателем – раз плюнуть.

– Знаю-знаю, я училась с такими в Торговом институте.

Давид указал на ее джинс с тоником.

– Сегодня ты не взяла тот коктейль?

– Нет. На самом деле я человек привычки и обычно предпочитаю классику.

¹⁰ *Chalmers Tekniska Högskola* – технический университет.

– Существуют веские причины, по которым они стали классикой, – произнес Давид, поднимая бокал с мартини.

– Это верно.

Поверх своего бокала Фэй исподтишка разглядывала Давида. Ей импонировала его предприимчивость. Чтобы проворачивать такие дела, требуются умение, интуиция, знания и солидный капитал.

– Все же это, должно быть, рискованно?

– Пить сухой мартини?

– Ха-ха... Нет, вкладывать свои деньги в новые компании.

На моих глазах многие предприятия сошли на нет, как бы хороша ни была их бизнес-идея или продукция. Предпринимательство таит в себе множество опасностей, плюс рынок очень капризен.

– Да уж, ты в этом разбираешься не хуже меня... Но должен тебе сказать – меня очень впечатлило то, что ты проделала с «Ревендж». Классический пример того, как за небольшой промежуток времени можно довести компанию до миллиардного уровня. Достоинно всяческого восхищения.

– Спасибо.

– Возвращаясь к твоему вопросу: ты права, это бизнес высокого риска, но я люблю его от начала до конца. Если не рисковать, то и жить не стоит.

– Согласна.

Фэй задумчиво провела пальцем по краю бокала. Бар вокруг них стал заполняться посетителями, гул голосов стано-

вился все громче. Бармен Брассе вопросительно кивнул в сторону их почти опустевших бокалов. Фэй взглянула на Давида, но тот покачал головой.

– Я бы с удовольствием остался и пропустил бы с тобой еще по бокалу. Или по два. Или по три. Но как раз сегодня у меня деловой ужин, который надо как-то вынести. И – да, в «Театральном погребке»...

Фэй ответила на его улыбку, с удивлением отметив, что испытывает разочарование. В его обществе она чувствовала себя комфортно.

Давид помахал Брассе:

– Напиток дамы запишите мне на счет. – Взяв в руки куртку, обернулся к Фэй. – Не спорь. Лучше угости меня в ответ при удобном случае.

– С удовольствием, – ответила Фэй. Она говорила от чистого сердца.

Когда он пошел через помещение к выходу, она проводила его долгим взглядом.

Сидя на террасе своего номера, Фэй допила остатки смузи и вытерла рот салфеткой. Потом потянулась к телефону. Следовало вернуться к компьютеру и проверить, сколько сообщений пришло за ночь на электронную почту, но в животе ощущался непроходящий спазм – тоска по Жюльенне.

Поэтому она набрала номер и с нетерпением ждала, слушая сигналы.

Трубку сняла Ингрид. Немного поговорив с ней, Фэй попросила дать трубку Жюльенне. В груди потеплело, когда она услышала совсем рядом голосок дочери, которая с восторгом рассказывала, что научилась нырять до самого дна.

А затем последовал неизбежный вопрос:

– Мама, ты сегодня вернешься домой?

– Нет, – ответила Фэй и почувствовала, что голос не слышится ее. – Мне придется остаться чуть дольше. Но очень скоро я вернусь к вам. Я люблю тебя, очень скучаю и посылаю тебе массу поцелуйчиков.

Положив трубку, она вытерла непрошенные слезы. Живот снова свело спазмом, тоска засела внутри, как острый шип, однако Фэй убеждала себя, что дочери хорошо в Рави вместе с бабушкой. Теперь надо отогнать от себя мысли о Жюльенне и снова приспособиться к миру, где все думают, что дочери нет в живых...

Вернувшись в номер, она подошла к шкафу, на дверце которого висел синий брючный костюм.

Светило солнце; подступала жара, хотя на часах еще не было двенадцати. Пролистав газеты, Фэй отметила, что метеорологи предсказывают необычно жаркое лето.

В понедельник она наконец-то получит ключи от квартиры.

– Могло быть и хуже, – пробормотала Фэй и улыбнулась,

вспомнив предыдущий вечер с Давидом Шиллером.

Его шарм застал ее врасплох. Слова о том, что без риска и жить не стоит, заставили ее о многом задуматься. Как она в своей работе с «Ревендж» могла не моргнув глазом пойти на большой риск, в то время как в личной жизни окружала себя такой высокой стеной, что ее не преодолеть без лестницы... Давно уже не случалось, чтобы мужчина сказал нечто такое, что заставило бы ее задуматься о себе. Но с этим Давидом Шиллером многое было по-другому.

Включив компьютер, Фэй стала готовиться к встрече с Иреной Арнель в таверне «Брилло» на площади Стюреплан. Эту встречу она сознательно отложила, воспринимая беседы с другими инвесторами как своего рода разминку. Ирена была ее первым и самым крупным инвестором. Живая легенда шведского финансового мира. К тому же со временем они подружились.

Ирена стала одним из немногих людей, к которым Фэй обращалась за советом, однако в последний год она не часто выходила на контакт. Фэй уже и не знала, что происходит в ее жизни.

Она «погуглила» имя Ирены. Некоторые статьи, вышедшие в последний год, она прочла, но кое-что упустила. Год стал для Ирены удачным. Два новых важных поста в правлениях крупных компаний, на шумевшая продажа одной из компаний, успеху которой она способствовала, и новая должность в качестве генерального директора в одной из

самых уважаемых финансовых компаний Европы. В жизнь Ирены вошел также новый мужчина – наследник итальянской автомобильной компании. . . Да, будет о чем поговорить за обедом.

Синий брючный костюм от «Прозенза Скулер» сидел на Фэй безупречно. Поддавшись сиюминутному порыву, она купила его когда-то в магазине Натали Шуттерман, отдав за него целое состояние, но сегодня ей важно было чувствовать себя потрясающей. Разгладив ладонью несколько чуть заметных морщинок на ткани, Фэй подумала, что готова начать день.

* * *

Выйдя в холл, она надела темные очки. Краем глаза заметила, как какая-то женщина поднялась с диванчика и направилась к ней.

– У вас есть минутка?

Фэй наморщила лоб – женщина показалась ей смутно знакомой. Решив, что это журналистка, она подумала, что пора снова привыкать к постоянному вниманию, и ответила как можно любезнее.

– Сейчас не самый лучший момент.

Бросив взгляд через плечо, женщина достала из кармана джинсов полицейское удостоверение. *Ивонна Ингварссон*. Теперь Фэй вспомнила: это та женщина-полицейский, кото-

рая вела следствие об убийстве Жюльенны. На мгновение прикрыв глаза, она мысленно вошла в роль скорбящей матери. Прошептала:

– Вы нашли ее? Вы нашли мою Жюльенну?

Ивонна Ингварссон покачала головой.

– Мы можем сесть и поговорить в уединенном месте?

Взяв Фэй под локоть, она повела ее через вращающиеся двери, вниз по лестнице, на набережную перед отелем. Там они сели на скамейку.

– Мы пока не обнаружили те... вашу дочь, – проговорила женщина-следователь, провожая глазами паром, идущий на Юргорден.

Фэй заставила себя держаться спокойно, предоставив Ивонне Ингварссон сделать первый шаг. Тревожно, что та решила с ней связаться, но пока ничего катастрофического не произошло.

– Вы по-прежнему утверждаете, что находились в Вестеросе в ту ночь, когда ваш бывший муж убил вашу дочь?

Фэй поежилась, мысленно радуясь, что на ней солнечные очки.

– Да, разумеется, – тихо ответила она.

– На углу Карлавеген и Стюрегатан есть банкомат, – спокойно проговорила Ивонна Ингварссон, по-прежнему не отрывая глаз от воды.

Фэй собралась с мыслями. Если у них против нее что-то есть, они не сидели бы здесь и не беседовали так спокойно

на солнышке.

– И что?

– Камера зафиксировала человека, подозрительно похожего на вас, но вы, стало быть, находились в Вестеросе?

Наконец Ивонна Ингварссон повернула голову и взглянула на Фэй, которая и бровью не повела.

– На что вы тут намекаете? – возмутилась Фэй. – Что вы такое утверждаете?

Ивонна Ингварссон приподняла одну бровь.

– Я ничего не утверждаю. Я задала вопрос: не может ли быть так, что вы находились неподалеку от предполагаемого места убийства, а не в номере отеля в Вестеросе?

Повисла пауза. Фэй взяла сумочку и поднялась.

– Не понимаю, что вы имеете в виду. Делайте свое дело вместо того, чтобы утверждать такие нелепые вещи. Найдите тело моей дочери.

Развернувшись, она пошла прочь, чувствуя, как сердце колотится в груди.

В таверну «Брилло» Фэй явилась с опозданием на пятнадцать минут. По спине у нее стекал пот. Ирена Арнель с улыбкой поднялась из-за круглого столика, расположенного во внутреннем зале красивого помещения. Высоко подняв голову, Фэй проигнорировала шепотки и любопытные взгляды.

ды других посетителей, обняла подругу, и обе уселись.

– Ирена, мы так давно не виделись... Прости, что я опоздала.

– Ничего страшного. Согласна, давненько, но я понимаю, что у тебя было так много всего.

– Да, у меня выдался интенсивный год – тут и подготовка к новой эмиссии, и экспансия на рынке США, и к тому же непростая задача интегрировать в «Ревендж» концерн «Куин-групп», принадлежавший Крис. Это потребовало немало времени – собственно, только сейчас возникает ощущение, что это единое предприятие, а не два разных.

Ирена кивнула и потянулась к меню. Достав очки для чтения, пристроила их на кончике носа.

– Прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду. Разные структуры, различия в корпоративной культуре, тысячи мелочей, которые надо подвести под общий знаменатель... Что касается меня, то не чувствуй себя обязанной проявлять ко мне внимание. У меня тоже много всего происходит, однако я всегда рада тебя видеть, сколько бы времени ни прошло.

– Кстати, насчет того, что у тебя происходит... – Фэй взглянула на Ирену поверх своего меню. – Я что-то читала про нового мужчину.

Ирена покраснела, и Фэй с интересом наблюдала это любопытное зрелище. Раньше она никогда не видела, как Ирена краснеет – от этого шестидесятилетняя женщина становилась похожа на школьницу.

– Ну да, посмотрим, что из всего этого выйдет... Но пока все хорошо. Марио – потрясающий мужчина. Слишком хорошо, чтобы все это было правдой, так что я все время ожидаю, какие же скелеты выпадут из его шкафа.

– Ты ведь знаешь, я отношусь к мужской половине рода человеческого не менее скептически, чем ты. Но должны же где-то быть и хорошие! Возможно, ты нашла одного из них.

– Хочется надеяться, – ответила Ирена и отложила меню. – Хотя за все эти годы я не раз наступала на эти грабли.

Она чуть заметно покачала головой. Фэй подалась вперед.

– Что скажешь, не заказать ли нам игристого?

Ирена, с улыбкой кивнув, жестом подозвала официантку, которая тут же подошла и приняла у них заказ.

Когда подали шампанское, Фэй осторожно отпила глоток, раздумывая, как лучше начать. Прежде чем она успела что-либо сказать, Ирена откашлялась.

– Ходят слухи, что «Ревендж» пытаются захватить.

В животе у Фэй что-то перевернулось. Ясное дело, Ирена уже обо всем знает.

– Так и есть. Я не знала, что именно тебе известно...

Ирена пожалала плечами, сняла очки и положила на стол.

– Деталей не знаю, пока отдельные слухи.

Фэй отставила бокал.

– Все началось некоторое время назад с покупки отдельных акций. Однако они продолжают с такими интервалами, что мы начали замечать определенный паттерн – види-

мо, за всем этим стоит один и тот же покупатель.

– И ты понятия не имеешь, кто же это?

– Нет. Скупка тщательно замаскирована через подставных покупателей. Но мы всю расследуем дело – и найдем ответ. Проблема лишь в том, что на это потребуется время, а я не знаю, сколько его у нас.

– И ты волнуешься, что и я продам свою долю?

Официанты принесли пиццу и поставили ее на подставку посреди стола. От нее исходил восхитительный запах. Щедрый слой икры уклейки, крем-фреша и красного лука. Обе женщины взяли по куску дымящейся горячей пиццы. Однако Фэй не могла до конца сосредоточиться на еде. Она оглядела сидящую перед ней женщину – светскую, утонченную, в каком-то смысле по-прежнему непостижимую.

– Не могу понять, почему остальные надумали продавать, и хочу удостовериться, что ты намерена сохранить за собой свой пакет.

Ирена была крупнейшим акционером после самой Фэй, и если бы она продала свои акции, это привело бы к катастрофе.

– Ко мне никто не пытался подкатить. Пока. Наверняка потому, что все знают: мы с тобой друзья и я тут же сообщу тебе. Но я даю тебе слово, что не намерена продавать свои акции.

– Для меня большое облегчение слышать такое, – ответила Фэй и взяла еще кусок пиццы.

Откусив, она запила ее шампанским. Вкус был божествен-

ный.

«Ты и вправду собираешься все это съесть?» – раздался у нее в голове голос Яка. Нахмуренный лоб. Grimаса отворачивания на лице. В первые годы после рождения Жюльенны он постоянно попрекал ее внешним видом и весом. Что бы она ни предпринимала, Як всегда оставался недоволен.

Теперь Фэй позволяла себе есть все, но не всегда, старалась как можно больше двигаться, а ее прежняя неуверенность сменилась гордостью за свое тело. Как ни верти, оно произвело на свет Жюльенну.

Уверенность в себе – одна из многих вещей, которые она отвоевала назад у Яка.

– Что еще вы делаете? – спросила Ирена, глядя на нее. – Эта женщина... как бишь ее зовут... Керстин – она приехала с тобой в Швецию?

– Да, Керстин здесь, и она работает днем и ночью, пытаюсь разобраться, что же происходит. Вчера мы переговорили с несколькими инвесторами, чтобы убедить их не продавать.

– Надеюсь, не рассказывая ничего об угрозе? – Ирена строго посмотрела на нее, тоже потянувшись за вторым куском.

– Само собой. И мне показалось, что это сработало. Но вопрос в том, достаточно ли этого. Все зависит от того, насколько целеустремленный человек стоит за всем этим. Боюсь, что очень целеустремленный...

Ирена отложила приборы и посмотрела на нее:

– Как ты?

Фэй знала, что Ирена ценит прямоту.

– Честно говоря, я сама удивлена, насколько это меня потрясло. У нас и раньше случались кризисы. Сотни, тысячи кризисов разного масштаба. Управлять предприятием – значит постоянно справляться с кризисами, сама знаешь. Но чтобы такое... Кто-то пытается отнять у меня дело всей моей жизни. Я создала «Ревендж» с пустого места – и по-прежнему остаюсь у руля. Я была столь наивна... даже не предполагала никогда, что кто-то попытается его у меня отнять.

Ирена с чувством покачала головой.

– Это не наивность. Как часто происходят в наше время рейдерские захваты? Практически никогда... А не может ли за всем этим стоять Як?

– Як? Нет, у него нет средств. И никаких связей. Он остался с пустыми руками, все от него отвернулись. Не представляю себе, как он мог бы повернуть такое, особенно находясь в тюрьме.

– Как ты думаешь, есть кто-либо еще, кто мог бы это сделать?

Официантка принесла горячее и поставила перед ними на стол, вопросительно покосившись на недоеденную пиццу.

– Вы закончили? Унести ее?

– Нет-нет, оставьте, нам сегодня понадобятся углеводы, – ответила Фэй, и Ирена согласно кивнула.

– Ясное дело, за эти годы я нажила себе врагов, – прого-

ворила Фэй, когда официантка ушла. – Невозможно создать большое предприятие, не наступив никому на любимую мозоль. Но никто особо не выделяется. Вот бы у меня было более ясное представление о происходящем или, по крайней мере, предположение о том, кто это может быть... Но – увы. К несчастью, я и понятия не имею.

– Во всяком случае, ты можешь быть уверена, что я свою долю не продам. А еще поговорю с людьми в своем окружении. Может быть, удастся что-то выяснить, и тогда, конечно же, я сразу свяжусь с тобой.

Фэй почувствовала, как облегченно опустились ее плечи – только теперь она осознала, в каком напряжении находилась.

Фэй подняла бокал, и они чокнулись друг с другом. Вокруг шумел гул голосов других посетителей, а две женщины накинулись на еду.

Вода окатывала тело приятной прохладой. Фэй плыла длинными сильными гребками, напоминая себе глубоко дышать. Бассейн в «Гранд-отеле» располагался словно в гроте, с красивыми сводчатыми потолками и приглушенным освещением. Говорили здесь негромко, фоном звучала музыка – из тех, что обычно звучит в спа-центрах, в какой бы точке мира ты ни находился.

Керстин сидела на широкой лестнице, наполовину в во-

де. Фэй подплыла к ней и уселась рядом. Откинувшись назад, оперлась локтями о ступеньку и осторожно пошевелила в воде ногами.

– Сколько человек у тебя в списке на сегодня?

– Пять-семь. Зависит от того, с кем мне удастся связаться и сколько времени займет каждый разговор.

– Ну, как я уже говорила, по поводу Ирены мы, по крайней мере, можем не волноваться. Она дала мне слово не продавать акции.

– Отлично. Не то чтобы я подозревала, что она это сделает, – но с другой стороны, о других, кто продал, я тоже ничего такого не думала.

Фэй глянула в воду, на волны, расходящиеся от ее ног, когда она повернулась на лестнице. Снова вспомнилась темная вода. Отчаянные крики... Перед глазами встали испуганные лица...

– Фэй, что с тобой?

Голос Керстин вернул ее в сегодняшний день, и она легонько покачала головой.

– Я должна заняться срочными делами в свете наших планов в США. Не могу позволить себе тратить все время на разруливание этого кризиса; обычная работа должна продолжаться, иначе вскоре нам нечего будет спасать.

– Сосредоточься на своем, а я буду копать дальше.

Закрыв глаза, Керстин наслаждалась водой. Она провела здесь целый час до того, как пришла Фэй, и успела проплыть

туда-сюда много раз, хотя бассейн был маловат для тренировок.

– Знаю, что у тебя много всего, но не могла бы ты помочь мне в одном деле?

– Само собой, – ответила Керстин и открыла глаза. – Что-то особенное?

– Ты не могла бы разузнать побольше о Давиде Шиллере? Он бизнес-ангел, частный венчурный инвестор.

– Разумеется могу, – ответила Керстин с лукавой улыбкой. – Что-то подсказывает мне, что это тот мужчина, который живет здесь, в «Гранд-отеле», и который совершенно не в твоём вкусе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.